

ПОЕЗД ЖИЗНИ НА КОЛЕЕ СУДЬБЫ

Жизненная история

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Шельфский

Александр Шельфский

Поезд жизни на колее судьбы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63438736

SelfPub; 2020

Аннотация

Может ли девушка быстро влюбиться в иностранца, и чем это может обернуться? Рабочая поездка из Москвы в Париж кардинально меняет жизнь девушки и всей её семьи. Что скрывает личная жизнь каждого человека, и как могут переплестись судьбы ещё "вчера" незнакомых друг с другом людей. Санкт-Петербург, Москва, Париж, Лион – вот города, где пребывают герои. Содержит нецензурную брань.

Александр Шельфский

Поезд жизни на колее судьбы

Часть первая

Париж

«И все же стоило лететь самолетом».

Так думала Екатерина, меняя в туалете поезда, следовавшего по пути Москва – Париж, принадлежности женской гигиены. Именно этой ночью, когда поезд шёл уже вторые сутки, у нее начались ежемесячные проблемы.

«Вот захотела поезд – теперь расплачиваюсь за это. На самолете было бы быстрее намного и я была бы уже в гостинице. Давно была бы в гостинице... И в более комфортных условиях переживать все вот это».

Поезд должен был подойти к одному из множества вокзалов Парижа около двадцати часов.

Екатерина сейчас смотрела в зеркало. Она уже закончила, осталось лишь умыться и почистить зубы. В зеркале она видела отражение своего лица, ровной, без изъянов кожи, зеленых крупных глаз и светлых длинных волос. На подбородке у нее был шрам, который она получила еще в детстве. Ей было чуть больше тридцати лет, обладательница длинных и стройных ног, великолепной фигуры и третьего размера гру-

ди. В поезде она выкупила оба места в купе спального вагона. Самолеты она недолюбливала, а поезда, напротив, очень любила. Однако сейчас она с удовольствием пересела бы с поезда на самолет.

Из Москвы поезд отправился ранним утром. Она добиралась до Белорусского вокзала столицы на такси. В Париж она ехала по работе: она должна была обсудить детали поставок туалетной воды и духов из Франции.

Завтракала, обедала, ужинала она в вагоне—ресторане. В купе спального вагона она большую часть вчерашнего дня изучала документы, а после ужина, вечером, читала, дабы отвлечься и отдохнуть. Оба места в купе она выкупала всегда, кроме случаев, когда ехала с коллегой, подругой, потому что не очень любила делить купе с малознакомыми людьми.

Она привела себя в порядок и вышла из туалета. Около двери ждали два человека, мужчина и женщина лет пятидесяти, судя по всему, супружеская пара, с полотенцами и зубными щетками. Как только она вышла, они вместе зашли внутрь, буркнув себе под нос что—то на французском. Она вернулась в свое купе, оставив принадлежности для умывания на столе, и, взяв деньги, пошла завтракать. На пути к вагону—ресторану она встретила несколько мужчин, куривших у открытых окошек и смотревших на пробегающие ландшафты. Кто—то в своем купе, не закрыв дверь, копался в сумке и искал нужные вещи.

– Доброе утро, – сказал Екатерине пожилой мужчина, ко-

торый шел навстречу.

– Доброе, – ответила она и улыбнулась проходящему. А после они пересеклись и каждый направился дальше по своим делам.

Так для нее и проходили поездки в поездах: случайные знакомства, никчемные разговоры, ничего не значащие для нее истории других людей.

На время пути весь поезд с сотнями не знакомых друг с другом людей превращается в отдельный, отличный от обычного, мир. Каждое купе – своеобразная квартира, каждый вагон плацкарт – общежитие, со своими порядками, взаимоотношениями. И пока поезд мчится к пункту назначения, в нем идет «своя» жизнь, отдельная от внешнего мира и совсем на него не похожая. Только на остановках эти два мира пересекаются. Кто—то входит в мир поезда, становясь составной частью его жизни, а кто—то возвращается в привычный внешний мир, спеша по делам, домой или же в другие места.

За множественные путешествия на поезде, Екатерина была свидетельницей различных происшествий: кражи, скандалы, эпилептические припадки пассажиров, драки. Но все это было крайне редко. Некоторые находили себе во время путешествия поездом любовников или любовниц, кто—то развлекался с только что познакомившейся девушкой или парнем и оба знали, что это все на один раз. Все это было обыденно для поезда.

Екатерина заняла место за столиком и сделала заказ. Пока ждала завтрак, она смотрела в окно. А за стеклом было солнечное утро, но облаков становилось больше и к вечеру возможен был дождь, так она думала.

Сегодня утром она вспомнила, сама не знаю почему, историю, которая была с ней три года назад. Тогда она познакомилась с бельгийцем.

«И почему это я сегодня это вспомнила?»

Екатерина пустилась в воспоминания как раз тогда, когда ей принесли завтрак.

Она отдыхала в Бельгии, наслаждалась теплым летним солнцем. Она была во франкоговорящей части страны. А языками романской языковой группы она владела очень хорошо. Лучше всего — французским. Она гуляла по городу и попросила прохожего мужчину ее сфотографировать на фоне местной достопримечательности. Он сделал несколько фото, а когда передавал фотоаппарат обратно его владельце, то попытался завязать диалог:

– Вы прекрасно выглядите, – начал он.

– Спасибо, – ответила она на французском, ничуть не смущаясь.

– А вы из Франции? – поинтересовался незнакомец.

– Нет. Я из Москвы, – с улыбкой на губах отвечала Екатерина.

– Ооо. Не ожидал. Просто вы замечательно говорите на французском языке, – он подал ей руку, – Жюль.

– Очень приятно. Катрин, – она всегда в Европе называла себя так, потому что это было проще для местных жителей. Она пожала руку Жюля.

– А могли бы мы сейчас с вами прогуляться, зайти в кафе? Я вас приглашаю.

– Я не против. Пойдемте, – «Чего нет. Я же не связана отношениями».

Она взяла его под руку и они пошли на прогулку. Мужчина был типичной французской внешности, которую все себе представляют и видели в кинофильмах. Они провели вместе весь день, в прогулках, фотографировании, кафе, а затем и всю ночь. Для нее это был первый опыт с иностранным мужчиной и он ее в чем-то смог удивить. Хотя бы тем, что впервые она испытала то, как мужчины могут доставлять удовольствие, делая куннилингус.

Но отпуск заканчивался и через три дня она уезжала обратно в Москву. Все эти трое суток они были вместе практически постоянно, только каждый день Жюль уезжал в девять часов утра и возвращался к полудню, говорил, что у него работа и надо решать дела в первой половине дня. Перед отъездом, уже на перроне, она дала ему адрес, куда писать, он дал ей свой. Он проводил ее на поезд и пообещал, что они снова встретятся.

Полгода они переписывались, рассказывали друг другу истории, а каждое письмо заканчивали словом «Скучаю». Она не хотела потерять Жюля. И вот, зимой она сказала, что

приедет к нему. Что они снова встретятся. Он ей сказал, что очень этому рад и ждет ее, что он позаботится о ней.

Екатерина ехала с мыслями, что возможно это ее судьба и они смогут быть вместе как муж и жена. Она почувствовала к Жюлю чувства, которые не испытывай ни к одному мужчине в своей жизни. Но по приезду ее ждало разочарование. Жюль ее не встретил. Она подумала, что он не мог ее предупредить и он ее не встретил, потому что у него возникли важные дела. Она взяла такси и назвала адрес на который писала ему. Приехав, она зашла в парадную, поднялась на третий этаж и позвонила в дверной звонок, а дверь ей открыла женщина с грудным ребенком на руках.

– Добрый день. Что вам нужно? – спросила она на французском с акцентом. У нее был очень уставший вид, а халат не до конца заправлен на груди.

«Видимо, кормила ребенка только что, когда я позвонила».

– Здравствуйте. Извините, что вас отвлекаю. А Жюль дома, – Екатерина подумала, что это его сестра.

– А зачем он вам? – с подозрением спросила хозяйка квартиры, видя перед собой обаятельную женщину, которой мужчина отдал бы предпочтение в сравнении с ней самой.

В этот момент по лестнице в парадной застучали каблуки мужских туфель. И когда было уже видно кто идет, то Екатерина поняла, что это Жюль. Она побежала к нему, обняла его и поцеловала. На глазах у него было удивление, а когда

он через ее плечо посмотрел на женщину в дверях квартиры – ужас. Он спросил:

– Кто вы?

– Жюль, это я, Катрин, – она улыбалась.

– Какая Катрин? Я вас не знаю. Дайте мне пройти, – он отпихнул ее в сторону излишне грубо.

– Жюль! Жюль! – она стала подниматься за ним.

– Привет, дорогая, – обратился он к женщине и поцеловал ее, – кто эта, сумасшедшая? – он указал через плечо большим пальцем назад.

– Не знаю. Только что пришла. Ты ее не знаешь?

– Нет. Но вот она почему—то знает моё имя, – задумчиво сказал Жюль, – ладно пойдем домой, – он подождал пока зайдет она и стал заходить сам.

– Жюль? – умоляюще спросила она.

– Девушка, вы ошиблись. У меня жена и маленький ребенок. Уходите. И не приходите сюда, – он зашел и закрыл дверь перед ее лицом.

Екатерина чувствовала себя униженной, оскорбленной и обманутой. Все ее ожидания, планы рухнули и были растоптаны мужскими ботинками (у нее в ушах отдавался стук каблуков, когда Жюль поднимался по лестнице). На эту поездку она потратила большинство своих сбережений. Она не стала ждать пока пройдет неделя, а сдала билет, купила другой, на ближнюю дату, заплатила за двое суток в гостинице и уехала обратно в Москву.

Позже, из писем Жюля, которые она долго не хотела вскрывать, она узнала, что это действительно его жена и ребенок, а с ней он был, когда жена лежала в больнице на сохранении, а потом у нее проходили тяжелые роды. Он хотел развлечься, снять напряжение и не воспринимал «Катрин» всерьез. Для него она была просто девушка, которую он «снял». Она читала его письма и плакала, рвала их, сжигала, но потом жалела. Чтобы забыть Жюля ей понадобилось больше трех месяцев и смерть близкой подруги от тяжелой болезни. Все эти три месяца она не встречалась с мужчинами, соответственно не была ни с кем близка по ночам. На последнее его письмо она ответила такими словами, которые понял бы только русский человек и которые бы его очень сильно оскорбили. Самое мягкое из слов было «козел». После этого, об этом «бельгийском уроде», как она его называла, она больше не вспоминала.

Она даже не заметила как доела завтрак. Выпив уже остывший, теплый чай, Екатерина пошла обратно к себе в купе.

Живот у нее побаливал из—за ежемесячных физиологических проблем. Она стала укладывать уже ненужные ей в поезде вещи и принадлежности в чемодан. По приезду ей надо заселиться в гостиницу, а уже на следующий день начать переговоры и решать задачи. Всего в Париже она пробудет три дня без дня приезда. Уезжает она вечером третьего дня.

Поезд все также мчался вперед, а погода за окном меня-

лась в худшую, по мнению многих, сторону. На стеклах уже появлялись капли, а голубого неба из—за облаков было уже не видно. Плюс к этому, на севере были видны темно—синие облака и частые молнии пронзающие синеву.

Екатерина сидела в своем купе до обеда, выходя только по надобности в туалет. На остановках она не выходила из поезда, а продолжала лежать и читать книгу, на соседнем месте она разложила свои вещи и положила туда чемодан. Она закрылась в купе и поэтому, не боясь что кто—то может к ней зайти, лежала лишь в нижнем белье черного цвета и голубых шортах. Ее все терзали мысли, что на все время ее прибывания в столице Франции у нее будут проблемы, связанные с физиологией организма, которые будут доставлять ей неудобства.

«Ну хоть, по—идеи, они должны закончиться или практически закончиться когда я сяду на обратный поезд до Москвы. Но все равно, в Париже они будут в самом разгаре».

Однако, в сравнении с некоторыми ее подругами, менструация проходила для нее еще не так болезненно. Некоторые даже встать с кровати порой не могут.

Она посмотрела на часы, увидела время и стала переодеваться и собираться на обед.

В проходах было уже больше людей, чем утром. Многие стояли и курили, общаясь между собой. Пока Екатерина шла она слышала множество диалогов, которые для нее переходил один в другой. От политической ситуации в мире к спор-

ту, от спорта к женщинам, а от них к часам, тростям, костюмам и прочему.

Вагон—ресторан также был заполнен больше чем утром и она не могла уже сесть за свободный столик. Она окинула взглядом занятые места и решила присесть к девушке с мальчиком, лет семи—восьми.

– Добрый день. Вы не будете против, если я присяду? – спросила Екатерина на французском языке.

– Нет. Пожалуйста, – девушка с улыбкой указала на стул перед собой.

– Спасибо.

Екатерина сделала заказ и стала смотреть в окно, ожидая готовности. Через несколько минут ей принесли салат, а девушка с ребенком закончили прием пищи и собирались уходить.

– Приятного аппетита, – сказала она, вставая из—за стола.

– Спасибо, – ответила Екатерина.

На какое—то время она осталась одна за столом, но это было недолго.

«Сейчас же сядет ко мне и будет клеиться».

Подумала она, когда в вагон зашел мужчина лет тридцати, по виду его она сразу поняла, что сейчас он предложит ей познакомиться, чтобы потом провести время вместе, а не скучать по одиночке. И в это времяпровождение входит не только милое общение.

– Здравствуй, – начал он, подойдя к ее столу, – Не занято?

Она вытерла губы салфеткой после супа, оставила тарелку и ответила:

– Раз я здесь сижу, то всяко уже занято. А мы с вами на «ты»? – безразлично ответила она.

– А почему бы нет? – глупо улыбался он, а глаза бегали в растерянности.

– А потому и нет. Хотите присесть – пожалуйста. Но не надо меня дурить как девочку, которая не понимает, что вы хотите от меня лишь одного.

– Да и не собирался как—то, – грустно сказал он, поняв, что все «обломалось».

– Точно? – с усмешкой спросила она.

– Я, пожалуй, сяду за другой столик, – и он ушел дальше. «Да пожалуйста. Сейчас пойдет дальше кого—то искать». Долго искать ему не пришлось. Через два стола, спустя пять минут после того, как отошел от Екатерины, он уже общался с девушкой, лет двадцати.

«Скоро уведет ее в ближайший туалет, а потом они больше не встретятся».

Екатерине принесли горячее и она продолжила обедать.

Она возвращалась в свое купе после очень сытного для нее обеда. Находясь в одном из вагонов, через которые ей предстояло пройти, чтобы добраться до своего СВ, она, проходя мимо туалета в начале вагона, слышала достаточно громкие стоны и вздохи. Приостановилась и прислушалась. Достаточно быстро она различила мужской и женский голо-

са. Она улыбнулась, постучала косточками трех пальцев в запертую дверь и крикнула:

– Удачи!

Затем пошла дальше по вагону, радостная и улыбаясь. Стоны резко прекратились, стало слышно как брякала бляха ремня. А когда она переходила уже в следующий вагон, услышала как открывается дверь туалета.

«Быстро он уломал это молоденькую дурочку».

Тот, что хотел с ней познакомиться, ушел вместе с девушкой из вагона—ресторана на несколько минут раньше именно в ту же сторону, в которую направилась чуть позже Екатерина. Она не могла упустить такую хорошую возможность подшутить над «покорителем женских сердец».

«Если быть точнее – покорителем девичьих сердец».

Она продолжила улыбаться и также с улыбкой зашла в свое купе, оставив дверь за собой открытой. Ее наручные часы показывали 14:57. До прибытия поезда во французскую столицу оставалось чуть больше пяти часов. Она решила, что ужинать она будет уже в городе, после заселения в гостиницу, а в поезде лишь выпьет чай с десертом в районе семнадцати часов.

Екатерина почувствовала резкий неприятный, но, одновременно с тем, знакомый запах, когда перед ее купе проходила женщина.

«Видимо не у меня одной проблемы по женской части в этом поезде и даже ближе – в этом вагоне».

Она подошла к дверь, чтобы ее закрыть. Рядом с ее купе, перед соседним, у окна стоял мужчина уже в возрасте и курил сигарету.

— Bonjour, — поприветствован он выглядывающую из купе Екатерину, оторвав взгляд от окна и чуть кивнув головой. Он выпускал дым в окно, но тот возвращался обратно. Одновременно с тем, между затяжками, он вдыхал свежий воздух, потому что «аромат» только что прошедшей женщины, так и оставался в вагоне и пока не выветривался.

«Сейчас и в туалете встанет этот запах».

— Bonjour, — ответила она, а затем закрыла дверь в свое купе на замок.

Наедине с собой она разделась до белья.

«Хорошо, что все пока спокойно у меня, вечером надо будет привести себя в порядок. Перед прибытием. Чтобы не быть как эта женщина».

Она вздрогнула при мысли, что от нее может тоже исходить такой запах при окружающих, передернула плечами и стала переодеваться. Надела шорты и обтягивающую майки, сняв до этого бюстгальтер, а затем погрузилась в чтение.

Спустя некоторое время поезд остановился на сквозном вокзале Страсбурга. А еще через несколько минут в дверь ее купе постучали.

«Пограничник».

Она взяла со стола уже подготовленные для проверки документы и открыла дверь.

– Bonjour, – сказала Екатерина и протянула паспорт с билетом, увидев знакомую форму.

– Bonjour, – один из пограничников взял документы, просмотрел их быстро и вернул обратно, – Merci. Bon voyage.

То же было и ранее, когда она въехала в Германию, где через окно своего купе могла видеть Берлин и Франкфурт.

Она вновь приняла лежачее положение с книгой в руках. Через минут сорок ей надоело читать и она, положив книгу на столик между двумя спальными местами, заложила руки за голову, после чего ее майка приподнялась и оголила часть живота. Она лежа потянулась и стала вспоминать то, что не особо часто вспоминала, но иногда на нее накатывали эти мысли, когда она была наедине с собой. Мысли о том, как она из девочки превратилась в девушку.

Все произошло когда Екатерине было девятнадцать лет. Она училась на втором курсе института и только что закончила зимнюю сессию на отлично. Стоит отметить, что, несмотря на отличную учебу, она никогда не была помешана на ней. Просто ей так легко и просто все это удавалось в большинстве случаев. Иногда, конечно, были трудности, но все это решалось, просто стоило приложить больше усилий. За несколько недель до сессии она познакомилась с молодым человеком, который год назад закончил учиться и уже работал. Произошло это случайно, когда она гуляла в парке, в пригороде города. Как раз выпал снег, температура была отрицательной, но комфортной для прогулок. Она гуляла,

смотрела на заснеженные ветви деревьев и, когда опустила глаза на дорогу, увидела перед собой, в, примерно, двадцати шагах, молодого человека, он смотрел прямо на нее. Их взгляды встретились, она остановилась, а он подошел к ней. С первых же слов общение пошло у них легко. Хотя Екатерина и была довольно стеснительной девушкой, в этом человеке она увидела того, с кем у нее очень легко складывается общение. Они прогулялись в парке, он рассказал ей, что сейчас работает, и что уже отучился. Ее не смутила разница в несколько лет и она с удовольствием продолжила общение с ним. Они встречались раз—два в неделю. Ходили либо в кино, либо в кафе, либо просто гуляли по городу. Один раз они выезжали в парк, он был на машине. Забирал ее у дома утром и привозил обратно уже вечером. Они вели себя как влюбленная пара: целовались, обнимались, но старались делать это не у всех на виду, держались за руки.

Отношения никак не сказались на учебе Екатерины. Она также ходила на занятия и училась на отлично. После каждого экзамена они встречались и гуляли, а он угощал ее в кафе за успехи. Она понимала, что с этим человеком она бы хотела попробовать в первый раз остаться наедине. Она не стремилась скорее превратиться в женщину, но с ним она этого захотела сильно. Но для себя решила, что только после окончания всех экзаменов. Сам он эту тему не поднимал.

И вот она сдает последний из экзамен на «отлично». У них назначена встреча в двенадцать часов в центре города.

Родители Екатерины были на работе, поэтому до вечера дома никого бы не было. Как только они встретились, обсудили ее экзамен, она решилась с ним поговорить на эту тему.

– Дим, я бы хотела с тобой поговорить, – она мяла в руках салфетку.

Он понял, что она нервничает, но спросил спокойно, прежде взяв ее за руку:

– Что такое, Кать?

– Понимаешь... я еще ни разу... – она вздохнула, – ни разу я еще не была с мужчиной. Ну, ты понимаешь? – она подняла глаза на него. Когда она говорила, то смотрела на стол.

– Понимаю, милая. И ты хочешь этого сейчас, со мной?

Она сделала паузу перед ответом. Ей было тяжело это сказать. Себе она уже давно призналась в этом, но сказать это вслух было выше ее сил. Но она собралась и ответила:

– Да.

Он чуть улыбнулся, чтобы немного разрядить обстановку.

– У тебя же уже было такое? – спросила она.

– Да. Конечно. Но у меня никогда не было с девушкой, которая в первый раз. Я не знаю, вдруг я тебе могу навредить.

Внутри себя она занервничала. Она доверяла ему, но все равно очень боялась, одновременно с тем – очень хотела.

– Я в тебе уверена и доверяю. Ты все сделаешь как надо. Именно ты.

Он прикусил нижнюю губу, несколько секунд подумал, отведя взгляд от Екатерина на потолок, а она смотрела на него

и хотела услышать утвердительный ответ. Он вернул свой взгляд на нее и сказал:

– Хорошо. Давай сделаем это. Но где?

– Поехали ко мне.

Он расплатился и они вышли из кафе.

Через сорок минут они входили в квартиру ее и родителей. Это была трехкомнатная, уютно обставленная квартира. Они сняли верхнюю одежду, обувь. Екатерина показала где находится ванна и туалет.

– Будешь чай или кофе? – предложила она ему, стоя в дверном проеме в ванной, когда он мыл руки.

– Нет, спасибо, – ответил он, когда вытирал мокрые руки полотенцем, – иди ко мне, милая, – он обнял еще и поцеловал.

Целуясь и обнимая друг друга они зашли в ее комнату, где поверх кровати Екатерина успела постелить простыню, чтобы кровать не была запачкана кровью, если это случится. Они снимали друг с друга одежду между поцелуями. Когда оба остались уже в нижнем белье, он уложил ее на кровать, начиная снимать и его.

– Как ты?

– Замечательно, – ответила Екатерина, – а у тебя с собой...

– Все с собой, – перебил он ее, – не переживай.

– Хорошо.

Он ласкал ее грудь, живот, опускаясь все ниже. Екатери-

на закрыла глаза от удовольствия и улыбка проступила на ее лице. Через некоторое время ласки прекратились и она ощутила его руки на себе спустя несколько секунд.

– Кать, ты готова? – спросил он совершенно серьезно, чувствуя какая это для него ответственность.

Она открыла глаза, посмотрела на него, поняла к чему она должна быть готова и ответила:

– Да.

Через пару секунд она почувствовала боль и наслаждение одновременно, ей даже показалось, что она на какое—то время потеряла сознание. Она открыла глаза, а он уже смотрел на нее и плавно двигался, двигая и ее тело. Она обняла его и прижала крепко к себе, пытаясь сдерживать вырывающиеся стоны и возможно даже крики не то от боли, не то от восхищения. Она смогла только сказать ему:

– Продолжай...продолжай, милый.

Он поцеловал ее крепко в губы и она почувствовала, что темп движений стал ускоряться. Одновременно с тем она стала чувствовать чуть нарастающую боль.

– Чуть медленнее....милый, – попросила она.

– Хорошо. Извини.

– Ничего...все замечательно, – она снова прикрыла глаза, – продолжай.

Так продолжалось, как ей казалось очень долго, пока она не почувствовала прилив ниже живота предвкушения будто разрыва. Это чувство становилось все ближе с каждым мгню-

вением. Пока наконец не вышло наружу и она не могла уже сдерживать крик. Она очень крепко прижала его к себе, чувствуя пульсирующие движения внизу и закатила глаза. Одновременно с этим она слышала стоны своего партнера и почувствовала встречную энергию исходящую от него. Все длилось буквально несколько секунд, но ей казалось, что она прожила целую жизнь за это время. Он лежал на ней. Его тело было влажным, она чувствовала это, а капли пота попадали ей на губы. Она сама не поняла что только что было и что произошло, но это был фонтан эмоций и чувств.

– Как ты? – он поднял голову с ее груди и посмотрел на нее.

– Чудесно... спасибо тебе, – она гладила ладонями его лицо и ерошила волосы.

Когда спустя несколько минут они отделились друг от друга и привстали с кровати, Екатерина увидела, что не зря постелила поверх постельного белья простыню. Там были следы от крови. Она чувствовала наслаждение и блаженство, будто бы находилась в нирване сейчас.

– Теперь можно и кофе с чаем, – сказал он ей, улыбнулся и обнял ее, – но сначала в душ, – он глазами указал на кровь, – и мне и тебе.

– Пойдем вместе? – она прижалась к нему.

– Хорошо. Пойдем, милая, – он встал и приподнял ее, придерживая.

Они зашли в ванную, открыли воду и наслаждались теп-

лыми каплями, которые струились по их телам. Они гладили друг друга, обнимали, но не пытались возбуждать.

После ванной они вместе выпили чай с печеньем. Затем она проводила его и осталась дома одна. Блаженство так и не проходило. Она легла на кровать, простыню до этого положив в стиральную машину, и уснула.

«Да, тогда было что—то... больше такого у меня не было. Потом разговоры с мамой об этом. Но никогда я не жалела об этом. Хорошо, что родители восприняли тогда спокойно, они же все понимают — девчонке уже восемнадцать. Папа вообще обрадовался, по хорошему, кажется. Хороший ты парень, Дима. И я рада, что мы с тобой все еще друзья, с того момента как решила расстаться. Мы все равно не смогли бы жить вместе. И жена с двумя детьми у тебя прекрасные. Рада очень за тебя и желаю только счастья тебе и твоей семье. Сколько там уже времени?»

Она посмотрела на свои наручные часы, которые показывали: 16.31. Поменяв лежачее положение на сидячее, а потом, через пару минут, встала и стала переодеваться, чтобы пойти в последний раз в этом поезде в вагон—ресторан.

«Скоро уже будем в Париже. Даже жаль расставаться с этим поездом, с этим купе. Столько воспоминай за сегодня».

Через десять минут она была готова к выходу из купе.

Вагон—ресторан был заполнен меньше, чем на обеде, но больше, чем было во время завтрака. Сейчас здесь находились в большинстве своем люди, которым идет уже шестой

десяток и больше, которые уже были чьи—то бабушки и де-душки.

Екатерина зашла и села за свободный стол в углу и заказала чай с кусочком клубничного йогуртового торта. Пока ждала заказ, она рассматривала людей вокруг. За окном уже вышло солнце, но большие редкие капли все еще падали с неба на землю, рельсы и шпалы, а также на движущейся вперед поезд. Через стол от нее сидела пара, которую она встретила утром, выходя из туалета. На их столе стояли две кофейные чашки и тарелка, на которой остались только крошки от песочного печенья. Она слышала их общение, хоть и говорили они тихо. И она поняла, что не ошиблась утром — они действительно говорили на французском языке между собой. Она улыбнулась, вспомнив утро.

«И чего это я улыбаюсь сейчас?»

Перевела взгляд на стол в противоположном от нее конце вагона. За ним сидела женщина, как подумала Екатерина, лет восьмидесяти. С украшениями на руках, шее, в серьгах и с очень грустным и отреченным взглядом.

«Одинокая и пожилая дама, надевшая большинство своих украшений, чтобы хоть как—то привлечь к себе внимание посторонних людей».

На ее столе стоял чайничек, с остывшим, по всей видимости, содержимым.

В середине, за столом у окна, сидели двое мужчин, очень интеллигентного вида, сильно похожих друг на друга, оба

возраста выше среднего.

«Братья, видимо. И не особо бедные раз могут позволить себе такую роскошь в поезде».

На столе у них стояла бутылка коньяка ХО, одного из старейших французских коньячных предприятий. Бутылка была недавно начата. Мужчины больше общались, а коньяк был для антуража, тем более они могут себе такое позволить.

«Они не будут здесь пить все. Возьмут бутылку с собой и оставят на будущее. Возможно даже, что на очень далекое будущее. Скорее всего, им редко удастся просто так пообщаться за стаканом отличного напитка. У каждого своя жизнь».

Ей принесли заказ и она, закончив рассматривать окружающих, принялась за десерт.

Когда она вернулась в свое купе, до прибытия поезда оставалось менее двух часов. Она положила в чемодан оставшиеся вещи, оставив место только для тех, что она снимет в последний момент. Надеть же в город она собиралась кроссовки, джинсы и легкий свитер, потому что сегодня, в один из последних дней весны, погода в Париже это позволяла. Однако, ветровку она тоже, на всякий случай, положила повыше в чемодане.

Через некоторое время она пошла в туалет, чтобы привести себя в порядок перед прибытием состава. Он был свободен и она заняла его примерно на десять минут. После этого она была уже готова встретиться с Парижем, в котором была

впервые.

В купе она сняла всю одежду, что носила в поезде, положила ее в чемодан, а надела приготовленную заранее. И вот, за час до прибытия, она сидела и ждала, когда механические двери откроют ей Париж.

«Надо как—то так распределить время, чтобы успеть и город посмотреть, помимо работы. Вечера должны быть свободны, но посмотрим как там все сложится. Надеюсь, все смогу успеть.»

И она стала представлять как будет проводить время, гуляя по вечернему Парижу.

В мечтах о столице Франции, она потерял счет времени. Только посмотрев в окно, она увидела, что поезд подходит к Восточному вокзалу Парижа, который озаряли огни. Поезд замедлил ход.

«Как всегда поезд плетется перед прибытием, когда уже подъезжает к вокзалу. Скорее бы уже он подошел».

Она забила ногами по полу как маленькая девочка в ожидание подарка или чего—то чудесного для нее. Последние минуты шли для нее очень долго. Она не стояла в проходе, а сидела и ждала в купе, пока основная часть людей выйдет. Но вот поезд остановился и она услышала как открылись двери, а за окном стали появляться первые пассажиры, которых уже ждали встречающие.

На вокзале Екатерину должны были встретить. Машина марки «Citroën», с номером, который был написан у нее на

листочке и вложен в приглашение, должна стоять у выхода с вокзала. Номер Екатерина уже выучила наизусть, пока ехала в поезде и сейчас повторила его про себя.

«1245FT75».

А через пять минут после того, как двери поезда открылись, Екатерина, катя свой чемодан по асфальту перрона, шла к зданию вокзала. Погода была отличная, температура для нее очень комфортная, поэтому она шла с улыбкой на губах, радуясь приезду.

Она вошла на вокзал, остановилась в стороне, чтобы убраться в сумку паспорт и билет, и стала искать выход с вокзала, одновременно наслаждаясь и осматривая его. По указателям «Sortie» она без проблем вышла с вокзала.

На улице, перед вокзалом, она увидела десятки машин. Екатерина пошла между автомобилями, смотря на номера. Она прошла около десяти машин, когда увидела нужный ей номер, а затем подняла глаза выше.

«Да, моя машина, номер такой же и «Ситроен», как обещали».

За рулем сидела мужчина, примерно ее возраста и курил в открытое окно. В зеркало заднего вида он увидел, что за машиной стоит девушка с чемоданом и рассматривает ее. Он вытащил сигарету из мундштука, затушил ее в автомобильной пепельнице, положил мундштук во внутренний карман своего пиджака, и вышел из машины.

– Добрый вечер, – обратился он к девушке на француз-

ском, – вы – Катрин? – он подошел к ней.

– Здравствуйте, – она посмотрела на симпатичного ей мужчину и подтвердила, что Катрин – это она, – да.

– Давайте ваш чемодан, я положу его в багажник, а сами садитесь в машину. Я сейчас, – он открыл багажник и стал закидывать туда чемодан с вещами Екатерины. В это время сама она садилась на переднее сиденье, рядом с водителем.

Через несколько секунд багажник закрылся и водитель вернулся в автомобиль.

– Я не представился. Антуан Дюпер, – он улыбнулся ей.

– Очень приятно. Вы знаете в какой я гостинице?

– Да, мне сообщили все, вроде, – он достал из дверного кармана автомобиля несколько листков, скрепленных скрепкой, – Отель «Риц», Вандомская площадь, 15. Все верно? – он оторвал глаза от листков.

– Нет, – с улыбкой ответила Екатерина. – На такой у меня просто нет денег. Мне попроще, – и она назвала адрес трехзвездочной гостиницы в центре города.

– А, извините, точно, – он улыбнулся, чтобы сгладить неловкость ситуации.

– Все хорошо, – все шире улыбалась Екатерина.

– Тогда поехали, – он завел машину, вставил первую передачу и они тронулись.

– Сколько до туда добираться? – спросила Екатерина, когда они отъехали.

– До отеля? Минут пятнадцать – двадцать в такое время.

Не долго совсем, – он улыбнулся ей, а она улыбнулась в ответ.

Пока они ехали, Екатерина рассматривала водителя и понимала, что он ей очень сильно нравится. Будто бы читая ее мысли, он сказал ей:

– Вы очень красивая девушка. Извините, если позволяю себе лишнее, просто вы мне очень сильно понравились.

– Спасибо, – немного смутившись ответила она, – вы тоже привлекательны и я вам симпатизирую, – она вся вжалась в сиденье, будто стесняясь своих слов.

«Ну он действительно мне очень нравится, чего я должна стесняться. Что я как девчонка, которой нравится мальчик? Уже взрослая женщина и пора выбрасывать эту дурь из головы».

– А вы до сколько завтра будете заняты работой?

– Примерно до часа дня. Потом свободна. А зачем вам? – она улыбнулась, а спросила только для того, чтобы он сам сказал. Она догадывалась, что предложит ей этот красивый француз.

– Просто, я собирался на футбол со знакомым, а у него завтра сплошная работа, как впрочем и сегодня... Вот я и подумал – не хотели бы вы... считайте это приглашением на свидание и экскурсию.

– Еще и экскурсия? По Парижу? – она заинтересовалась.

– По Лиону.

«Да, такого свидания у меня не было еще. Хорошо, что он

это предложил. Я согласна».

– Хорошо. Давайте. Сколько до Лиона ехать?

– Около пяти часов. Не особо долго.

– Но на следующий день мне тоже на работу, – она сама чуть расстроилось.

– Поедем ночью. Я привык водить много, а вы можете спать в машине.

Екатерина думала.

«Да ладно, чего это я. Смогу отработать спокойно, зато такое свидание. А стоит его предупредить о моих проблемах?»

– Я согласна. Огромное спасибо за приглашение, – она не отводила от него взгляда.

– Отлично! Я очень сильно рад, что вы согласились.

– Только мне надо кое что вам сказать. Мы с вами взрослые люди и понимаем чем чаще всего могут закончиться свидания. Сразу вас предупрежу. Все время своего пребывания в Париже мы не сможем заняться сексом из—за моих проблем по женской части. Извините. Просто в периоды менструации мне не очень это приятно, а точнее – очень неприятно.

Выражение лица Антуана не изменилось. Через несколько секунд паузы он ответил:

– Ерунда. Я все понимаю и поверьте, ради вас...это мелочи. Тем более, я бы не хотел, чтобы наше с вами общение ограничилось лишь встречами в Париже в эти три дня, – машина остановилась, – приехали. Тогда буду завтра ждать вас

здесь в два часа, — он заглушил двигатель.

Они вышли из машины, Антуан достал из багажника чемодан, а затем закрыл машину. Екатерина чувствовала искренность в его словах про будущее и сама верила, что они еще долго будут общаться и встречаться по возможности обоих. А возможно, в последствии, и жить.

Антуан помог ей с заселением, что заняло не больше семи минут, и проводил до номера. Когда они зашли в номер он поставил чемодан у входа и уже хотел попрощаться, но Екатерина сделала то, чего он не ожидал и чего она сама от себя не ожидала. Она прижала его к двери и поцеловала. Он поддержал ее в этом. Так они стояли несколько минут.

— Надеюсь, что ты свободный мужчина? — спросила она его после того как их губы разъединились.

— Да, — он обнял ее, а потом сказал, — все, мне пора. До завтра, Катрин.

— До завтра, — он вышел, она посмотрела как он идет по коридору. Он тоже обернулся и махнул ей рукой. После того как он стал спускаться по лестнице, она вернулась в номер, заперла дверь и стала снимать обувь.

«Моя судьба. Уверена в этом... Антуан».

После ухода Антуана, Екатерина сняла верхнюю одежду и пошла принимать душ с дороги. Свое нижнее белье она сразу же положила в раковину для стирки после того, как помоеся.

«Хорошо, что после поезда, на всем пути от вокзала до

номера ничего не произошло».

Она зашла в душевую кабину и не выходила из под струй воды больше двадцати минут.

Номер был простой и уютный одновременно. Одноместная кровать у стены, шкаф, стол и стул, тумбочка, фотография в виде картины, висящая над кроватью, на которой запечатлена набережная Сены – вот и все, что в нем было. Но Екатерина на это не обращала внимания. После того, как она помылась и, стоя постирала в раковине свое белье, а затем развесила на верхнем рельсе душевой кабины, она сразу же собралась спать. Ее, что называется, рубило после поездки, да еще и душ ее расслабил. Даже ужинать она решила не идти. Екатерина привыкла спать совсем без нижнего белья, но сейчас она не могла этим насладиться. Она достала второй комплект белья, взяла из него только трусики, а бюстгальтер положила обратно.

Она легла в кровать и ее часы, которые она сняла перед мытьем и положила на прикроватную тумбочку, показывали без десяти минут десять.

«Пора уже спать. Завтра в шесть тридцать надо будет уже встать, а в восемь сорок уже быть на месте. От гостиницы мне минут пятнадцать пешком. Надо будет еще раз посмотреть карту утром».

Она укрылась одеялом, повернулась на левый бок и через несколько секунд уснула. Будильник она не ставила.

Когда часовая стрелка была чуть дальше шести, а минут-

ная находилась на четырех, Екатерина уже была в душе. А в шесть тридцать доставала из чемодана комплект нижнего белья (часть от ночного комплекта она утром постирала и повесила сушиться), аккуратно сложенную белую блузку, черную юбку с чулками и черные туфли на каблучке средней длины. Все это она разложила на застеленной кровати, а бельё, сняв полотенце, надела. Для похода на завтрак, который был в гостинице, она надела спортивные свободные штаны и футболку, на ногах были кроссовки, в которых она и приехала.

Без пяти минут семь она спускалась на лифте на первый этаж.

– Bonjour, – поприветствовала ее девушка, стоящая на стойке информации.

– Bonjour, – ответила Екатерина и зашла за угол к залу, где был завтрак.

«Интересно, они бывают уставшие на вид когда—нибудь?»

На входе она дала квиток о проживании и прошла в зал. Так рано там почти не было людей. Она выбрала все что хотела на шведском столе – омлет, несколько кусочков сыра и колбасы, кекс, чай, апельсиновый сок, небольшой багет. И начала завтракать.

После завтра, когда она вернулась в номер, было пол восьмого. Она еще раз посмотрела карту и нашла место, куда должна была идти.

«До встречи остается еще больше часа. Ну пойду раньше, погуляю, приду раньше, что в этом такого».

Она переоделась. Блузка облегла ее грудь, но не просвечивала, а юбка подчеркивала ее стройные ноги, талию. Она закрыла номер на ключ, положила его в свою сумочку, где лежали ее документы и документы по переговорам, а также карта Парижа, которую она взяла с собой. На улицу она вышла и сразу ощутила легкий приятный ветер. Небо было затянуто высокими тонкими облаками, который к середине дня уже разойдутся. Настроение у нее было прекрасное, а до встречи было еще чуть больше сорока минут. Она бесцельно гуляла по улицам города, далеко не отходя от места, и наслаждалась. Ей было так легко, она не думала пока о работе, проблемах, а просто отдыхала душой.

Она подошла к месту встречи за восемь минут до назначенного времени. Зашла внутрь здания через крутящиеся стеклянные двери, а там ее уже ждала женщина, старше, но не намного, чем она. Когда Екатерина зашла, она сразу бросилась к ней.

– Доброе утро, Катрин! – она с улыбкой на губах поприветствовала вошедшую. До прихода коллеги она сидела на кожаном диване оливкового цвета, что стоит перед пропускным пунктом в здание. На ней был деловой костюм, волосы до шеи очень большие губы, как показалось Екатерине.

«Интересно, на что способны эти пухлые губы, этой стройной сорокалетней женщины?»

– Здравствуйте, если не ошибаюсь...Мари? – она легко пожала протянутую руку.

– Да. Все так. Как вы добрались? Вас встретили?

«Как всегда эти вопросы. Будто им всем интересно как я добиралась. На поезде, мадам, на по—е—зде... а встретил меня Антуан».

– Все хорошо, спасибо. Где мы с вами будем обсуждать условия для сотрудничества?

– А пройдемте, – она указала рукой на проходную. Охранник их пропустил, даже ничего не посмотрев.

Они поднялись по лестнице на второй этаж и зашли в кабине, на котором была табличка:

Мари Конти

Глава сбытовой сети

В кабинете стоял стол из красного дерева, на котором было две фотографии, документы и папки, в углу стоял телевизор и видеомаягнитофон. Напротив двери было окно, а по боковым стенам шли сплошные шкафы со множеством бумаг и книг.

– Присаживайтесь, – Мари указала на стул перед столом, а сама села в свое кожаное кресло.

Екатерина села и достала документы из сумки, положив их перед хозяйкой кабинета. Она обратила внимания на фотографии на столе.

«Судя по всему сестра рядом с ней на фото. Очень похожи, а на второй сын похоже. А мужа нет? (она взглянула на

безымянный палец и левой, и правой руки). Обручального кольца нет. Точно на многое способная женщина. И должность высокая».

– Вот наши требования по количеству и срокам. Цена указана на втором листе.

Мари, надев очки, стала просматривать договор. Выражение ее лица не менялось, только иногда она прикусывала верхнюю губу.

– Ну что же...ваше предложение довольно выгодно для обеих сторон. Мы согласны заключить с вами договор. Но вы помните, что будет в случае, если вы его нарушите?

– Помню. И вы, надеюсь, тоже помните ваши обязательства, – не без иронии сказала Екатерина.

Мари несколько секунд смотрела на нее, а потом рассмеялась.

– Ну что же. Раз переговоры прошли так успешно и быстро, то у вас есть много свободного времени на Париж. У вас же есть копия договора?

– Конечно.

– Отлично. Тогда один экземпляр мне, другой останется у вас. Сейчас мы все согласуем, составим план поставок для предприятия. Приходите завтра вечером за подписью и печатями руководителя. В шесть часов буду вас ждать на том же месте.

– Хорошо. Договорились. А до этого я свободна, да? – с неверующей интонацией спросила Екатерина.

– Да.

– Хорошо. Тогда я пойду.

– Давайте я вас провожу, – она встала из—за стола, поднялась и Екатерина. Они прошли тем же путем, только в обратную сторону.

У выхода они попрощались и Мари пошла обратно наверх, а Екатерина на улицу. Она остановилась в стороне от входа и посмотрела на часы, они показывали: 9.50.

«Слишком даже быстро. А я столько времени заложила... что делать теперь? Ладно, погуляю, а к двенадцати буду подходить к гостинице. А до этого еще надо пообедать заранее».

Она достала карту и стала строить свой маршрут, запомнила несколько улиц, чтобы ориентироваться и направилась в путь. У нее не было с собой фотоаппарата, но ей это и не было нужно. Она наслаждалась видами. Она шла, а голова ее крутилась на все триста шестьдесят градусов вокруг. Она смотрела и наверх, и вниз, и вправо, и влево. Смотрела перед собой и за собой. Ничто и никто не мог укрыться от ее взгляда. Она иногда останавливалась, чтобы свериться с картой и определить свое местоположение.

Когда на часах было ровно одиннадцать часов, она зашла в кафе пообедать и выпить чай. Во время приема пищи она смотрела карту и думала – как ей добраться до гостиницы. Пешком идти минут тридцать, но прямо перед кафе была автобусная остановка. После того, как она пообедала, она по-

дошла к девушке, которая ее обслуживала и спросила, идет ли какой—нибудь автобус до гостиницы где она остановилась.

Девушка подумала несколько секунд и назвала номер автобуса, который идет до того места, куда надо Екатерине. Только ей нужно было перейти на другую сторону улицы. Автобус ходит каждые десять минут. Екатерина поблагодарила ее и вышла на улицу. Рядом был переход на другую сторону. Она перешла, подошла к остановке и проверила по расписанию совет девушки. Действительно есть автобус, который идет до нужной ей площади. Через две минуты подошел автобус. Когда она села в него, то было без десяти минут двенадцать.

Примерно через десять минут она уже выходила из автобуса. Чтобы дойти до отеля, нужно было пройти около ста метров. Перед отелем стояло несколько машин и она услышала звук клаксона. Обернувшись она увидела Антуана, который выходил из машины. Он приехал на рестайлинговой версии «Peugeot 605» 1995 года, темно—синего, почти черного, цвета.

«Очень красивая «Пёжо». Его?»

– Привет! – она подошла к нему и обняла. Он стоял с мундштуком в зубах, в котором тлела сигарета. На нем была рубашка светло синего цвета, на которой с левой стороны на груди был логотип, на котором было написано «OL» большими буквами и сначала именно они бросались в глаза,

а чуть выше уже написано меньшими буквами полное название – «Olympique Lyonnais» и джинсы темного цвета. На ногах мокасины.

– Привет. Рано освободилась? – он гладил ее по спине и обнимал.

– Да. Сейчас. Я быстро. В душ и переоденусь. А потом поедем. Я быстро, – она чмокнула его в щеку и чуть ли не вприпрыжку пошла в отель.

Он остался стоять, прижавшись спиной в закрытой двери машины.

Екатерина вернулась через пятнадцать минут. Одета она была в джинсы, поло и кроссовки. Антуан ходил взад—вперед вдоль машины. Он открыл ей дверь, она села и поблагодарила его. Захлопнув пассажирскую дверь он обошел машину спереди и сел на водительское место. Через десять секунд машина тронулась и поехала в направлении Лиона.

– А могу я задать тебе нескромный вопрос? – спросила Екатерина, когда они были в пути уже несколько минут. До этого они только обменивались ничего не значащими фразами о погоде, как прошел день и тому подобным.

– Конечно, Катрин, – он повысил передачу.

– Это, конечно, не мое дело, но раз у нас намечаются вполне серьезные отношения...я бы хотела узнать, – она сделала паузу, а пальцами теребила ремешок своей сумочки, – если ты водитель, обычный водитель при фирме, то откуда у тебя, – она подбирала слово, «деньги» она говорить не хоте-

ла, – средства, такие средства на машину бизнес—класса?

«Зачем я такое спрашиваю? Это же лишь второй день знакомства. Ну есть у него деньги на такую машину, ну и отлично, куда я то лезу. Хотя один раз, в Бельгии, я не стала лезть и потом за это получила».

Антуан улыбнулся, но было видно, что ему некомфортно.

– Понимаешь... я не водитель. Я первая скрипка в парижской «Гранд Опера» и очень даже хорошо зарабатываю. Вчера я тебя встретил как раз по просьбе моего друга – Жоржа Мийо. Как раз он работает водителем у этой фирмы, с которой ты решаешь дела. А вчера, ему надо было быть в больнице. Он вместе с отцом отвозил маму в больницу, потому что пока дождешься скорую у нас, да и во всей, по крайней мере, Западной Европе, помрешь уже. Ну так вот, он мне вчера оттуда, из больницы, позвонил и попросил помочь. Сказал, что надо забрать человека, который прибудет из Москвы на переговоры и отвести его в гостиницу, назвал имя. По служебному автомобилю он тоже договорился и все уладил. Я приехал к ним в гараж, взял «ситроен» и поехал к Восточному тебя встречать. Вот по этой причине тебя встретил я, а не Жорж, – он посмотрел на нее краем глаза и улыбнулся.

– Понятно, – она протянула последний слог, – ну а твои родители кто? Раз зашла речь о них.

– Отец умер, когда мне было шестнадцать лет. После него, как раз, осталось большое состояние. А также у мамы ощутимый доход. Умер он от сердечного приступа. А мама пре-

красная, – он облизнул языком губы, – ей сейчас сорок семь. С папой у них была довольно большая разница. Так вот и живем.

– А тебе сколько, Антуан? Скажу сразу – мне тридцать один год сейчас.

– Мне двадцать восемь. Моему отцу было чуть больше, когда мама меня родила.

– Да, действительно, у твоих родителей довольно ощути-мая разница была.

– Да, больше десяти лет. Ну вот – полюбили друг друга. Они остановились на красном сигнале светофора.

«Почему у него так блестели глаза и он облизывал губы все время, говоря о маме? Ладно, ерунда. Он такой красивый, интересный, да и воспитан очень хорошо».

– Кстати, чуть не забыла. Мне завтра на работу только к шести вечера, поэтому не придется нам ехать обратно в Париж ночью, а можно будет спокойно переночевать в Лионе, – она говорила все это с радостью.

– Да и гостиницу не придется даже снимать. Переночуем у меня с мамой, – он тоже очень возбудился.

– А ты живешь здесь?

– У меня есть квартира в Париже, где я в основном и живу, но здесь я довольно часто. В любое свободное время я стараюсь сюда приехать. Я родился в Лионе и вырос здесь. Поэтому и часто бываю, а также болею за местную команду, – он пальцем указал на логотип на рубашке, – а не за «Пари

Сен—Жермен». И у мамы, соответственно, часто бываю, — он вновь облизнул губы, — ты же не будешь против, если мы остановимся на ночь у мамы?

— Да нет. Познакомимся за одно, — Екатерина улыбнулась.

— Ну и хорошо.

— А можешь мне о Лионе рассказать? Историю его и все тому подобное.

— Без проблем, — он перестроился в соседний ряд и начал рассказ, — Город Лион основан был... там непростая история. В общем, еще в районе второго века до нашей эры на Роне и Соне жили галльские племена. Там они организовали торговлю и даже возвели крепость. Ну а затем... а затем бывшие сподвижники Цезаря вводят в город Лугдун, так называлось это место, а название означает Холм Ворона, войска. Ведь этот город выгоден со всех сторон — экономической, из—за слияния двух рек, кстати, торговое поселение, которое существовало на слиянии двух рек называлось — Форум, ну а сегодня, известное название — Фурвьер, военной и прочих. Потом Галлия делится на три провинции. И что происходит? А то, что все эти три провинции сходились в Лугдуне, следовательно, город стал важной точкой в Галлии. И превратился в столицу Галлии. А столица это что? Правильно — расцвет, процветание, транспорт и прочее. Создается куча культурных, архитектурных памятников. А вот с пятого века пошли проблемы... город уже не столица Галлии, набеги варваров, грабежи и все в этом роде. И только при Карле Великом Лион

– снова сила, – он сжал пальцы правой руки в кулак, – центр, рассвет. Потом он был разделен между Францией и Германией на две части, начинаются противостояния жителей города с церковью. В общем, вновь волнения и нет особой стабильности. А Столетняя война...это была вообще задница для нашего города – больше трети населения вымерло от Чумы, Тифа. А дальше снова – Возрождение. Лион – столица книгопечатания Европы, это примерно последняя четверть пятнадцатого века, город посещают королевские семьи разных стран. Потом Гражданская война и снова...черт, – он замахнулся правой рукой, сжал в кулак и ударил себе по ноге от переизбытка чувств. Удар был не очень сильный, но все же, – эпидемия Чумы, голод. В Первую Французскую революцию, в конце восемнадцатого века был дан приказ разрушить город...частично эти изверги его исполнили. Только при Наполеоне город снова обретает жизнь. За это большое спасибо ему, однако больше слова «спасибо» он не заслуживает...корсиканец. Ну а в первой половине девятнадцатого века было множество восстаний в городе и стране вообще. Двадцатый век... во время Второй мировой в нашем городе был расположен штаб оккупантов. Самое забавное, что при этом город считался центром французского сопротивления. Уж не знаю как связано это, но было именно так. А после войны, город, конечно, получил значительные разрушения, но был восстановлен и снова Лион – это Лион!

Екатерине действительно было очень интересно слушать

Антуана. Когда он закончил, то попросил Екатерину открыть бутылку воды и дать ему попить.

«И он все это знает...класс. Если бы я могла так говорить о Москве...хотя, наверное, смогу. Историю города я знаю неплохо, но вот также интересно говорить и рассказывать о нем все же не смогу...».

– Спасибо, – он передал бутылку ей, чтобы она ее закрыла и положила обратно.

– Ты так классно и достаточно подробно все рассказываешь, – сказала она, когда положила бутылку с водой откуда взяла. Пока она все это говорила, то не отводила глаз от Антуана.

– Ну..., – он барабанил пальцами по рулю, – читал, изучал. Мне это всегда интересно было – история моего родного города.

– А какие известные миру, стране люди из Лиона были?

– Сейчас, дай подумать, – он смотрел на дорогу, одной рукой держал руль, а правой, из кармана на рубашке, достал мундштук и сигареты, – ты не против никотина?

– Нет. Я сама не курю, но спокойно отношусь к тем, кто курит.

– Хорошо. Обычно я ношу портсигар, но для удобства взял с собой просто пачку, – он взял пальцами левой руки сигарету из упаковки, не отрывая руку от руля, а правой держал мундштук. Вставив сигарету, он достал из кармана джинс зажигалку, а затем прикурил, – а про знаменитых людей, – ска-

зал он после затяжки, а потом снова затянулся, — ну кто был? Братья Люмьер, хотя бы, — он улыбнулся и сделала затяжку.

— А они тоже здесь родились. Интересно.

— Сент—Экзюпери, Рабле, который Франсуа, это касаясь писателей, — он затянулся, — композитор Эдмон Одран, а, ну Жан—Мишель Жарр. Еще, — он затянулся на пару секунд, а первую букву сказал еще вытаскивая мундштук, — Ампер тоже отсюда, и еще...как его, Нобеля еще получил, хирург то наш, французский, — он сделала затяжку, оставил мундштук в зубах и стал щелкать пальцами на правой руке. Через несколько секунд он ударил совсем легко по рулю, вытащил пальцами мундштук и сказал громче, чем прежде, — Каррель! Алексис Каррель. Пока на ум больше никто не приходит, — он взял мундштук зубами, а обе руки положил на руль.

— Однако, много знаменитых людей родились в Лионе. Давно водишь машину ты? — перевела тему Екатерина.

— Я? С восемнадцати лет. Получил права и сел за руль сразу. Удобно, да и мне было необходимо...после учебы так вообще, — ответил он, не внимания мундштук.

— А как ты попал в главный, наверное, театр страны, и один из вообще всего мира, да и стал там первой скрипкой?

— Ничего необычного, — он вынул сигарету, положил ее в пепельницу, предварительно затушив, а мундштук положил обратно в нагрудный карман, — был лучшим на курсе, одним из лучших вообще за время существования учебного заведе-

ния, как бы скромно это не звучало, — оба улыбнулись, — заметили, взяли. Но я не останавливался, а продолжал учиться, творчески расти. Мама меня поддержала, даже жила со мной в Париже какое—то время, — он облизнул языком губы, — и постепенно я достиг того, что сейчас со мной.

«И тут он постоянно с мамой. Но характер есть и это прекрасно. Рассказать ли ему обо мне или не стоит? Он меня не спрашивает...но он сам, как мне кажется, немного стеснительный мужчина. Может он еще девственник? Да нет, бред. С такой внешностью, манерами, его бы уже, даже против его воли, кто—то да уломал бы. По себе знаю, что такие парни как раз очень нравятся девушкам, особенно для длительных отношений, а не для одноразового секса. Но... не часто все складывается так, как надо или хочется...или должно быть».

— А у тебя были отношения?

— Да как тебе сказать, — спидометр показывал примерно сто километров в час. Он снова облизнул губы и ответил, — были...но каких—то серьезных — нет. Не...бы...ло.

— А почему так? — она через секунду, еще до начала ответа Антуана, добавила, — извини, если лезу не в свое дело.

— Да все нормально. Просто я пока не встретил девушку для серьезных отношений, для семьи. Может, — он сделал паузу, вновь облизнул нижнюю губу, и продолжил, — может это будешь именно ты.

«А вот это уже серьезно».

— Возможно, — она погладила его по правой руке, которую

он держал на ручке переключения передач.

– Я тут подумал, Катрин, – примерно через минуту после молчания он продолжил, – у меня отпуск еще десять дней. И я бы мог и хотел бы поехать с тобой в Москву. Паспорт есть, виза тоже. Это все благодаря профессии. Преград нет для поездки, вроде бы.

«А вот это еще серьезнее. Но почему бы и нет!?»

– Если хочешь и можешь... я только за!

– Главное, чтобы места были еще свободные на этот поезд, – сказал он немного задумчиво.

– Ну одно место точно есть... и оно рядом со мной.

– В смысле? – он на секунду повернул к ней голову и улыбнулся.

– Я когда еду на поезде, за свой счет выкупаю два места в Спальном Вагоне. Точнее, одно мне покупает моя фирма, второе – я сама. Ну и соответственно у меня в купе два места – одно занято мной, а второе тоже мной. Поэтому – есть одно место для тебя. Так что, поедешь со мной, – она положила руку ему на плечо.

– Отлично! – он одной рукой погладил ее руку, а второй продолжал держать руль, – за место я тебе отдам деньги. И не возражай, – добавил он, когда Екатерина начала возмущаться.

– Ну хорошо.

– Как раз, пока будем ехать – рассказать о себе сможешь все. Времени будет много.

– Конечно, – оба улыбнулись.

Машина мчалась по шоссе и постепенно солнце сменялось облаками.

«Похоже дождь соберется. А может и нет. Посмотрим».

– Какую литературу ты предпочитаешь, Антуан?

– Знаешь, много есть всего... я не люблю всякую там философию, где меня кто—то чему—то учит и прочую подобную чушь. Мопассана люблю, а из ваших... из ваших очень люблю Набокова! Супер писатель, – он снова облизнул губы языком, – перечитывал его много. Очень много раз.

«Да, любовь к такой литературе настораживает, если часто. Я такое точно читать не стану. А для них, европейцев, американцев, да вообще западников он, конечно, герой. Как же, эмигрант, да из России. Герой!»

– Понятно.

– Хочешь послушать радио? Могу включить.

– Давай. Я только за, – Антуан включил приемник. Из динамиков пошел знакомый Екатерине голос французского шансонье, который умер в один год с Владимиром Высоцким и практически в том же возрасте. Екатерина знала эту песню по альбому, который она много раз слушала еще на пластинке, которую купил ее отец. Название пластинки – «Le Jardin du Luxembourg».

Она наслаждалась музыкой и пейзажами за окном.

Через какое—то время Екатерина, сквозь мысли, услышала голос Антуана:

– Департамент Рона, регион Рона—Альпы, с административным центром – город Лион. Добро пожаловать!

Екатерина сразу взбодрилась.

– Я думаю, – начал Антуан, – что сразу поедем к стадиону, только машину оставим подальше, а то потом выезжать будет долго очень. Прогуляемся, там посидим. Кстати, ты не голодна? А то можем заехать, тут есть неплохое кафе, я его хорошо знаю – поесть.

– Да я хорошо поела перед поездкой, так что особо не хочу. А ты?

– Да я тоже спокойно. На стадионе что—нибудь себе может быть возьму. Так вот, возвращаясь к теме про Лион. Сегодня футбол, а после матча сразу к маме, – он чуть заметно провел языком по верхней губе, – а завтра утром обзорно проедем, посмотрим город немного, а часов в одиннадцать тронемся обратно в Париж, чтобы тебе успеть на твои рабочие дела. Надо будет взять только некоторые вещи от мамы, для поездки в Москву. Да и вообще сказать ей об этой поездке, – он улыбнулся, – как тебе такой план?

– Да, я на такое согласна. А мама где территориально живет?

– На окраине города, но которая не в сторону Париже. Однако, до центра добираться не так и долго, поверь. Лион вообще город не самый большой, но очень уютный.

– Хорошо. Хоть и бегло, но покажешь мне его завтра.

– С превеликим удовольствием, – он специально сказал

это наигранно надменно.

Дальше они ехали, общаясь на отвлеченные темы, порой обмениваясь несколькими фразами, шутками, взглядами. Екатерина думала и рассуждала у себя в голове об Антуане.

«Хороший. Очень хороший мужчина. Да, в некоторых вопросах, вкусах мы не схожи с ним, но это ерунда. Он мне очень нравится и я ему, видимо, тоже. Тем более он сам предложил мне совместную поездку обратно в Москву, значит он сам этого очень хочет. Не просто же так он решил ехать со мной. А мне от такого его действия очень приятно...только вот как мы будем дальше...переезд? Ему проблематично, мне тоже. Но думаю, что мы сможем выкрутиться и решить этот вопрос. Мы же хотим быть с ним вместе. Главное — это совместная поездка в Москву. Именно тогда все и решиться. Думаю, что и он того же мнения. А знакомить ли его с мамой и папой? Или пока повременить? С братом то точно придется...ладно, проживем—увидим. Но вот Саша...надеюсь, что он будет спокоен, хотя, сомнительно. Он после этой истории с Бельгией очень остро реагирует, если с кем знакоплюсь из иностранцев. Но он любит меня и желает счастья, я понимаю это и чувствую, и только из—за того, что он так ко мне относится он так реагирует. Надо будет ему позвонить, сказать, что приеду не одна, а со своим уже мужчиной, и что встречать он будет не меня одну, а нас двоих».

К стадиону они подъехали за два часа до начала матча. Погода не предвещала дождя, а солнце то светило ярко, то закрывалось проплывающими перед ним облаками. На стадион уже пропускали и они зашли на его территорию, где Екатерина смогла прочитать название стадиона – «Stade de Gerland».

– Ты возьмешь себе что—нибудь? – спросил Антуан у Екатерины, когда они стояли перед точкой продаж еды и напитков.

– Я пиво возьму. А тебе же нельзя – ты за рулем. Что ты будешь брать?

– Да кружка пива это ерунда, впереди еще около четырех часов, просто я вообще не пью. А себе возьму лимонад.

«Для меня всегда было странно и подозрительно, когда люди не пьют. Ну ладно, тоже ерунда».

Екатерине налили пиво. На ручке, которую опустил и держал молодой человек, наливая Екатерине пенный напиток, было написано «Kronenbourg», ниже цифры «1664», а на самом верху слоган – «La Première Bière Française». Она обратила внимание на название. Во французском пиве она не разбиралась и решила спросить у Антуана, когда они сели за столик:

– А почему у французского пива немецкое название? Да, еще, что означают эти цифры? Год?

– А оно из Эльзаса, если не ошибаюсь, Страсбурга. А это давние времена спорная территория между нами и немца-

ми...

– Да, знаю про это, – вставила реплику Екатерина.

– А цифры, – продолжил Антуан, – это сорт пива и год основания этой, на тот момент, еще семейной пивоварни, – он сделала паузу, – вот так выходит, что самое известное в мире французское пиво имеет немецко—французские корни.

– Понятно. Ну расскажи мне, что хоть за матч меня, – она улыбнулась, отвела ладони от кружки на секунду и снова вернула их, – ну и нас с тобой ждет?

– Ну как же, – он сделала глоток лимонада и продолжил, – это же, противостояние, можно сказать, что самое известное во французской «Лиге 1» – «Олимпик Лион» против марсельского Олимпика. Это бомба! Классика, – они вместе, почти синхронно сделали по глотку, – «Олимпик Марсель», между прочим, единственный клуб из Франции, который выигрывал Лигу Чемпионов. Было это в девяносто третьем году двадцатого столетия, на «Олимпиюштадион» в городе Мюнхен. В финале играли тогда против «Милана» марсельцы. Там такой классный состав был у наших, ну у «Марселя», – Антуан причмокнул, – Бартез, Дешам, Бокшич, Десайи, Фёллер. Такие люди, такие люди. Но и «Милан» – ван Бастен, Папен, Барези. А матч сам был просто блестящий. Я хоть и болею за «Лион», но «Марсель» тогда... за него, как мне кажется болела вся Франция. Я очень был рад, да и сейчас рад, что они сыграли тогда так. Супер.

Он очень восторженно все это рассказывал, а Екатерина

и не заметила как опустошила всю пол—литровую кружку.
«Он чудесный...такое погружение, такие эмоции...чудо. Замечательно».

— Пойдем, осталось сорок минут до начала. Посидим уже в чаше стадиона! — они оба уже выпили свои напитки. Антуан после своих слов поднялся, протянул руку Екатерине и они пошли вдвоем к своему сектору, держась за руки.

Их места были прямо по центру. На зеленом газоне разминались футболисты обеих команд. С одной стороны за воротами трибуны отсутствовали. Табло показывало две цифры «0:0». Екатерине футбол противен не был, но и не следила она за ним. Правила, в общих чертах, были ей известны. На трибунах было пока немного людей, но все равно стоял гвалт французских слов.

«Со всеми этими положительными эмоциями я и забыла о своих проблемах, но, черт, сейчас они дают снова о себе знать».

— Я скоро вернусь. Мне нужно в туалет, — сказала Екатерина, вставая со своего места и проходя мимо Антуана с сумкой в руках.

— Хорошо. Сумку то оставь здесь, мешать будет, — он поднялся и смотрел в ее глаза.

— Да она мне нужна, — они соприкоснулись быстро губами и Екатерина стала подниматься по ступенькам к выходу с сектора.

Она вышла из чаши стадиона и пошла против часовой

стрелки вокруг, искать туалет. Мужской оказался совсем близко к сектору, а женский чуть дальше. Зайдя в кабинку, она закрыла ее на щеколду. Вышла спустя три минуты, а еще через две минуты уже вернулась на свое место.

– Все в порядке? – спросил Антуан, когда она села на место рядом с ним.

– Да, спасибо, – она села и он обнял ее, положив руку на плечо и поцеловал.

«Все он прекрасно понимает, просто не говорит об этом. И правильно!»

Матч должен начаться через пятнадцать минут. На трибунах становиться всё больше людей. Футболисты уже закончили разминку и футбольное поле сейчас орошалось водой. Они общались между собой, пока крик трибун не прекратил это общение. За пять минут до начала футболисты появлялись на зеленом газоне. Фамилий на футболках игроков не было, только номера, поэтому Екатерина не могла знать кто из игроков кто. Игроки «Лиона» были в светлой форме, с синими номерами, а «Марселя» – в лазурной, с белыми номерами. Вратари обеих команд были в темной форме. Екатерине очень понравилась форма «Олимпик Марселя».

«Красивая форма. Цвет классный».

А перед футболистами шли трое арбитров. Весь стадион приветствовал игроков. Они встали в один ряд, лицом к центральному трибунам, где и сидели Екатерина с Антуаном. Потом рукопожатия и через пару минут был нанесен первый

удар по мячу.

Антуан сел, облокотившись руками на колени и чуть сгорбившись. Видно было, что он одновременно нервничает и наслаждается игрой. Екатерина же сидела и глазами следила за движением мяча и красивой формой гостевой команды. И тут первый гол хозяев. Стадион весь поднимается со своих мест и празднует забитый мяч, кроме болельщиков «Марселя». Потом второй гол, третий. И первый тайм завершился со счетом, который не ожидал никто – 7:0. После каждого гола Антуан целовал Екатерину. Даже она признала, что некоторые комбинации были очень красивыми.

В перерыве они не уходили со своих мест и Антуан не мог в полной мере выразить свои эмоции.

– Это что—то! – он сидел, но иногда чуть привставал и размахивал руками, – у меня нет слов. Семь – ноль с «Марселем»! «Лион» просто красавцы. Какие голы, какие комбинации! Чудо, чудо!

Так он продолжал весь перерыв, пока свисток судьи не открыл второй тайм. Который был уже спокойнее и завершился со счетом 1:0. И общий счет, после того, как судья дал свисток об окончании встречи был 8:0 в пользу хозяйской команды. Футболисты начали обмениваться футболками, даже иногда символически «целовались» друг с другом. А капитан «Лиона» с огромным флагом, на котором были написаны большие буквы «OL» синего цвета на белом фоне, прошел перед трибунами со своими партнерами. Сегодня «Олимпик

Лион» одержал самую крупную победу над «Олимпик Марсель» в истории личных встреч.

Екатерина сама не ожидала, но она получила огромное удовольствие от этой игры. Красивый футбол показали обе команды. Антуан за второй тайм успокоился и теперь они вместе, пока шли до машины, обменивались впечатлениями.

– Сколько нам ехать до дома твоей мамы? – спросила Екатерина, когда они сели в машину.

– Да не долго. Минут двадцать, думаю. Как доедем – так и доедем, – ответил он с улыбкой.

– Как ее зовут? – они тронулись.

– Сейчас, – он смотрел по сторонам перед выездом, – как зовут? – переспросил он, когда они уже были на дороге, – Мари. Ну а фамилия как у меня.

– Хорошо. Ну познакомимся.

Они ехали мало общаясь. Екатерина наслаждалась видом вечернего Лиона, а Антуан вел машину, сконцентрировавшись на дороге, а после матча он был эмоционально опустошен.

Машина остановилась перед многоквартирным домом в спальном районе города. Антуан позвонил в звонок у двери под номером «44». Дверь открыла женщина. Екатерина сразу нашла в ней общие черты с Антуаном и признала, что для своих лет она очень красивая и сексуальная.

– Привет, мам, – сказал он и обнял женщину, когда они зашли в квартиру, – это Катрин, – он указал рукой на свою

спутницу, — я говорил тебе о ней по телефону.

— Да, помню, — она подошла к Екатерина и протянула руку, — Мари.

— Катрин. Очень приятно, — они по женски пожали руки.
«У нее и голос такой сексуальный. И кожа на руках нежная. Даже завидую я».

— Пройдемте, я ужин приготовила, — сказала она и пошла, виляя бедрами, в сторону, как видела Екатерина, кухни.

— Пойдем, милая, — Антуан взял ее за руку и они направились вслед за Мари. Антуан облизал краем языка нижнюю губу.

Мари была в черной облегающей юбке до колен, которая плотно облегалась ее попу, которую она, как поняла Екатерина, тренирует, черных колготках, красных туфлях на высоком каблуке и в черной облегающей футболке, сквозь которую выпирал лифчик, который поддерживал грудь второго размера. На шее у нее было серебрянное кольцо. В—олосы у нее светлого цвета, чуть длиннее, чем у Екатерины. Очень красивые губы, которые были покрыты красной помадой. Глаза темно—коричневые. морщин на лице было очень мало, фигура была если хуже, чем у Екатерины, то совсем немного, а ноги длинные и красивые.

На прямоугольном столе стояло несколько видов закусок, салат овощной, три стакана, в которых, судя по всему, был налит лимонад, а на плите, в сковородке, чтобы не остыть, подогревалось мясо. Антуан посадил Екатерину, а сам сел

рядом с Мари перед ней, справа от матери.

— Будете мясо, Катрин? Говядина, — спросила Мари.

— Да, если можно.

— Конечно можно, — она подошла к плите, взяла сковороду и положила в тарелку каждому по большому куску мяса.

— Спасибо, — поблагодарила Екатерина.

— Спасибо, мам, — он поцеловал ее, когда она села.

«Как то слишком откровенно для поцелуя мамы и сына.

Ну ладно, это другая сторона. Возможно, что здесь принято именно так».

За столом они много разговаривали. Мари интересовалась чем занимается Екатерина, что любит и все тому подобное. Сама она рассказала о детстве Антуана, семье до и после смерти отца и мужа.

— Катрин, а расскажите нам о себе, — попросила Мари.

Екатерине пришлось рассказать о себе, все что она хотела рассказать Антуану наедине, сейчас.

— Да, конечно. Родилась я в Москве, — начала Екатерина, — папа у меня архитектор, сам он из Санкт—Петербурга, учился там же, ну а работать отправился в Москву, где и по сей день. И сегодня он также очень востребованный архитектор. А мама сама из Новосибирска, это у нас в Сибири такой достаточно крупный город. Но затем она с родителями переехала в Москву, благо, была возможность. Они с папой познакомились, когда отец был уже в Москве после учебы. История вообще—то забавная, если честно, — она улыбнулась,

чувствовала тепло от этих воспоминаний, которые остались у нее после рассказа мамы и немногих комментариев отца, — она тогда как раз ехала на учебу, она филолог, как раз группы романских языков, поэтому и я так хорошо владею этими языками, в особенностях французским. Так вот, — она выпила немного лимонада, — а отец ехал с вокзала, после ночного поезда, по адресу, который ему дали. А мама сама ехала не из дома, а от бабушки, где ночевала, потому то до этого она ей помогала. А он, мой отец, хоть и архитектор, но в новой обстановке вообще плохо разбирается, немного нервничает. И вот он заходит в вагон, — Екатерина начала жестикулировать руками, — а мама стоит рядом с дверьми, сбоку, в свою очередь папа зашел и встал прямо перед ней, смотря схему метрополитена, которая весела за ней. А он еще был в таких очёчках, — она показала пальцами форму и размер линз, — с усами, — она показала двумя указательными пальцами какими, — и ростом он был невысок. Как говорила мама: «Он в миг вызвал у меня умиление». А с виду он может и был немного смешной, но глаза были у него что называется умные, а если с ним разговаривать, то не оторваться. Ну и вот они разговорились в вагоне, и понравились друг другу. Но оба были очень стеснительны, папа до сих пор говорить: «Как я еще решился заговорить с твоей мамой», а мама: «Как я решилась ему ответить». Конечно, это в шутку, но в каждой шутке есть и доля шутки, и доля правды, а неизвестно, чего больше. И вот им пришлось разойтись, мама вышла, а

папа поехал дальше. Как потом мне рассказывал папа, он думал, что больше не увидит ее и не встретит. Она ему тогда сразу очень понравилась, да и он ей тоже. А мама у меня была очень красивая, мне трудно ее описать, но поверьте. И что бы вы думали? — она отрезала кусочек мяса и жуя, продолжила говорить, — оказалось, что общежитие, куда пока поселили отца, и квартира, где жила мама с родителями — это соседние дома! Ну и тогда, даже эти два стеснительных, — она сказал это любя, — поняли, что уж это точно судьба. Вот так они и встретились, — она снова стала жевать мясо, — и живут вот уже сорок один год вместе. Папе, когда они познакомились, был двадцать один год, а маме — девятнадцать. А я младший ребенок в семье. У меня есть брат и он на семь лет меня старше, — сидевшие перед ней чуть удивились, а Екатерина опустила глаза на руки и крутила салфетку в руках, она уже доела блюдо, — зовут Александр. Ну а я сама..., — она сделала последний глоток, опустошив стакан, — я сама отучилась на логиста, решение экономических вопросов и все тому подобное. Вот сейчас и работаю в сфере логистики, налаживания поставок и прочего. А мой брат является директором одной компании, которая сама из Франции, но имеет филиал в Петербурге. Хотя основное образование совершенно в другой сфере. Вот так и выходит, что все у меня как—то связано с Францией. Ну вот так кратко я сказала о себе и своей семье. теперь вы имеете представление обо мне.

Екатерина положила еще немного салата и продолжила

есть, а Мари сказала:

– Интересная вы девушка, Катрин. Очень интересная. Ну а вот мы живем вдвоем с Антуаном, муж умер уже достаточно давно. Это был прекрасный человек. Вы его не знаете, но поверьте, он был чудесным. И так рано и быстро умер. Я его сразу полюбила как увидела, – «вот и у меня также с вашим сыном», – а потом вот он родился у нас, – она обняла сына и поцеловала в щеку, – другое мое чудо.

«А почему она ест только левой рукой, а правая у нее и вовсе под столом? Привычка?»

После ужина они стали пить кофе, а Екатерина чай. В этот момент Антуан решил завести разговор о поездке в Москву.

– Мам, Катрин уезжает обратно в Москву, через день. Я собираюсь поехать с ней. С билетами вопрос уже решен.

Мари сделала паузу и ответила не сразу. А ответ оказался вопросом:

– И когда ты вернешься? – спросила она, не смотря ни на кого.

– Через пять дней на самолете. То есть, там я три дня буду. «Ощущение, будто она ревнует его ко мне. Ей самой лучше – пригласит кого—нибудь».

– Хорошо. Ну ты мне хоть позвони оттуда.

– Да я и привезу тебе что—нибудь, – все улыбнулись.

– Как футбол то? – Мари кивнула в сторону логотипа на груди Антуана.

– Во, – он поднял большой палец руки, – восемь – ноль

разнесли марсельцев. Классный матч. Больше бы таких!

– Ну я рада.

Екатерина уже допивала чай и ее клонило ко сну.

– А где мне можно разместиться на ночь? – спросила она, после некоторого молчания.

– А давайте в этой комнате, за углом. Она у нас как бы гостевая, – ответила ей Мари.

Квартира была так устроена, что заходя, вы оказываетесь в коридоре, чуть дольше, прямо и правее – кухня, а чуть ближе к коридору, слева – небольшая комната, куда и приглашали Екатерину. От кухни вправо идет длинный коридор. В середине ванная комната, чуть дальше туалет. Все это справа, а слева еще одна комната. Ну а упирается этот коридор в спальню.

– Спасибо. Я тогда пойду, подготовлюсь. Туалет и ванная у вас там, да? – она показала через стену вдоль длинного коридора.

– Да. Именно там, – ответила Мари.

– Спасибо.

Екатерина сначала вышла в коридор, взяла из сумки, все что было ей необходимо и пошла к ванной. Проходя мимо кухни, она услышала, как Мари ее спросила:

– Вам нужна зубная щетка?

Екатерина остановилась, взялась свободной рукой за наличник и ответила:

– Нет, спасибо. Я с собой взяла на всякий случай.

– А полотенце? В душ пойдете? – Мари улыбалась.

– Не отказалась бы. А можно?

– Конечно! – Мари встала, – вы идите, а я вам сейчас все принесу.

– Спасибо вам. Я сначала в туалет, – сказала она, чуть смутившись.

– Понимаю вас, – она положила руку ей на плечо, посмотрела в глаза, а потом пошла к бельевому шкафу, а Екатерина в туалет.

Когда Екатерина была в туалете, по двери постучали и сказали:

– Я положила вам полотенце. Мы не будем вам мешать. Скажете, как будете готовы. Пока подготавливаю постель вам.

– Хорошо, спасибо вам большое, – она услышала удаляющиеся шаги.

Помывшись, почистив зубы, она обернулась полотенцем и вышла из душа. Кроме полотенца Мари дала Екатерине еще и тапки. Когда она вышла, из спальни, практически в тот же момент, появилась Мари. На ней была красная ночнушка с черными бретельками и кружевами на груди, разрез которой был чуть виден, а снизу ночнушка была чуть выше колен.

– Все хорошо? – спросила она, улыбаясь и облокотившись рукой на наличник. Дверь была наполовину закрыта так, что кровать была не видна.

– Да, спасибо.

– Комнату я вам подготовила, так что отдыхайте. Если

что, кухня, ванная, туалет, – она развела руками, – все в вашем распоряжении.

– Спасибо большое вам, Мари, – она искренне улыбнулась.

– Антуан уже спит, – она правой рукой показала на комнату, которая была в длинном коридоре, дверь в нее была закрыта, – не тревожьте его, пожалуйста. Он очень устал за сегодня. Даже зубы не почистил. Но может проснется – сходит. А возможно, что только утром.

– Хорошо, без проблем.

– Спасибо, Катрин.

Мари вернулась к себе и закрыла дверь, а через секунду повернула замок. Екатерина пошла в выделенную для нее комнату в этой квартире.

«Сексуальная у нее ночнушка. Только вот зачем такая, если рядом нет мужчины, любовника? Ну, наверное, ей так комфортно в ней. Мне вот такая ночнушка тоже очень нравится и я бы с удовольствием надела бы такую, была бы с любимым мужчиной. Очень сексуально».

Екатерина зашла в комнату, сняла с себя полотенце и бросила его на кровать. Свет в комнате она не включала, поэтому на ее тело попадал только тусклый свет с улицы. Ее грудь освещалась этим светом, то поднимаясь, то опускаясь. Она стала гладить свою грудь, чуть мять ее, думая об Антуане.

«Вот бы Антуан также делал с ней. Ах».

Она глубоко вздохнула и даже издала чуть слышный стон,

но потом убрала руки от груди и взяла свою сумку, откуда достала чистые трусики, а потом надела их. Полотенце она отнесла обратна в ванную, покачивая грудью. Повесив полотенце на батарею, она взяла с нее выстиранные трусики и бюстгальтер к себе в комнату. Выйдя из ванной, она остановилась и прислушалась. В доме была тишина, только шуршало постельное белье в комнате Мари. Она пошла в комнату, повесила белью на спинку стула. Дверь закрывать она полностью не стала, а прикрыла ее только на половину. Было тепло, поэтому Екатерина прикрыла простыню только ноги, а живот и грудь не закрывала.

«Много эмоций за день. Что—то и я сегодня очень устала».

У нее разболелась голова и, как ей показалось, поднялась немного температура, она положила голову на подушку и тут же она уснула.

Спала она плохо. Во сне она слышала крики, мычания, какие—то удары. Но снов не было, только белые пульсации на черном фоне. Она уже не понимала спит она или нет. То ли она просыпается, то ли ей снится, что она просыпает, а на самом деле она спит. Она всегда не очень хорошо спала в новых местах, но сейчас это было совсем ужасно. Проснувшись она с влажными волосами, мокрым лицом и телом. Она не собиралась больше спать. Встав, она подошла к столику, на котором вечером оставила свои часы – время было без пяти минут шесть. Она посмотрела в окно, где восходило солнце.

«И что мне делать? В душ идти рано, разбужу всех. Черт, как ужасно я спала. Почему так».

Голова у нее была «тяжелая». Она чуть прошла взад—вперед по комнате и немного пришла в себя. В комнате стоял стеллаж с книгами на французском языке. Она решила посмотреть, что есть интересно. Тут она нашла и Достоевского, и Льва Толстого, и Чехова, и Дюма—отца, и Дюма—сына, и Гюго, и многих других автором.

«Хорошая библиотека у них (она водила пальцем по корешкам книг, иногда вынимая какую—то из них). Интересно, все ли из этого читал Антуан?»

Она взяла с полки красивое издание книги «Граф Монте—Кристо» с иллюстрациями и, сев на кровать, стала рассматривать, прочитанную уже не раз книгу. Но на языке оригинала она ее еще не читала.

Пока она просматривала иллюстрации и читала фрагменты произведения Александра Дюма, время шло для нее незаметно. А когда время на часах было: 6:31, она и не заметила, как дверь в ее комнату открылась. От книги она оторвала глаза лишь в тот момент, когда услышала стук по наличнику и знакомый мужской голос:

— Можно?

Она сразу же подняла глаза на дверь, там стоял Антуан, на котором из одежды были только трусы, впрочем, как и на самой Екатерине. Она обратила внимание на то, что он был в неплохой физической форме.

«Хорошо выглядит. Так бы и изнасиловала его сейчас. По любви. Он как специально меня возбуждает, дразнит».

– Можно, – она закрыла книгу и положила ее на кровать рядом с собой сбоку. Руки она выпрямила и уперла их в кровать за своей спиной и облокотилась на них. Ее упругая грудь была теперь хорошо видна Антуану. Она обратила внимание на то, что он смущается и отводит взгляд в сторону, стараясь не смотреть на ее грудь, однако украдкой он все же смотрит на нее. А еще она заметила, что Антуан возбужден, когда опустила свой взгляд чуть ниже его пояса.

«А может сделать?»

– Ан..., – начала Екатерина, но в этот момент она услышала звук открывающейся двери, а затем увидела за Антуаном, что из спальни выходит Мари, протирая руками глаза.

Екатерина сразу же легла в кровать, накрывшись простыней до шеи, а произведение Дюма в этот момент упало на пол. Антуан так и остался стоять в проеме, только чуть повернул голову через плечо назад.

– Доброе утро, милый, – подойдя, сказала Мари и обняла сына за пояс, поцеловав в щеку, – доброе утро вам, – обратилась она уже к Екатерине.

– Доброе, – ответила ей Екатерина.

– Читали? – спросила Мари, посмотрев на лежащую у кровати на полу книгу и мотнув головой в ее сторону, не отводя взгляда от Екатерины.

– Да. Очень красивое издание и иллюстрации прекрасные.

– Да, знаю, сама покупала. Как вы спали?

– Честно? – она сделала секундную паузу, – ужасно. Все время во сне слышались какие-то крики, стоны, звуки. Будто во сне все это, а будто наяву.

– Это все было наяву, – сказала Мари и потерла свою шею. Только сейчас Екатерина заметила на ней кровоподтек. А у Антуана в этот момент чуть шире раскрылись глаза, – соседи слишком громко занимаются сексом. Слишком громко. Это не всегда, но иногда такое с ними бывает. А может и не с мужем соседка так...кричит. Кто их знает. Извините за такое. Стены не очень толстые, поэтому слышно и то, что сбоку, и что сверху. Когда же приезжают наверху дети, то их бега по квартире слышны так, будто идёт бомбардировка.

– Ничего страшного. Не вы же в этом виноваты. Да и их можно понять, ваших соседей, – сказала Екатерина и чуть улыбнулась краями губ.

«Лучше вы бы сейчас ушли, вместе с моими делами и я бы осталась наедине с вашим сыном! Да и это...у людей секса нет, а эти там наявывают».

Она подумала это без зла, а наоборот, с усмешкой, но ей все равно было обидно, но немного.

– Вставайте, Катрин, а я сейчас пойду делать завтрак.

– Сколько у меня есть времени до завтрака?

– Полчаса будет.

– Спасибо.

Мари ушла на кухню. Антуан тоже собирался выйти из

комнаты, но Екатерина его окликнула:

– Антуан, принеси, пожалуйста, мне полотенце. Оно весит в ванной на батарее.

– Хорошо.

Он вышел и через несколько секунд вернулся, складывая на ходу полотенце. Потом положил его на стул.

– Спасибо, – она резко встала и оказалась прямо перед Антуаном. Она уперлась своей грудью в его грудь и поцеловала в губы, а правую руку опустила на его трусы спереди. Он, в свою очередь, взял ее за ягодицы во время поцелуя. Через несколько секунд их губы разъединились. Екатерина стала резкими поцелуями спускаться от шеи Антуана к его животу, и когда ее губы были чуть выше резинки трусов из кухни его позвала Мари, – черт, – чуть слышно сказала Екатерина.

Антуан вышел из комнаты и пошел на кухню, а Екатерина обернулась полотенцем, взяла со спинки стула белье и пошла в ванную.

За завтраком Антуан рассказал Мари «план», который они с Екатериной собирались сегодня исполнить.

«Как же она получила этот кровоподтек на шее? Может спросить? Или не стоит? Возможно ей будет неудобно отвечать на этот вопрос. Ладно, не буду».

Они немного пообщались за приемом пищи и уже в 8.15 Антуан и Екатерина сидели в машине. Прогрев ее, Антуан тронулся и они поехали в центр Лиона. На ходу он расска-

зывал о тех местах и достопримечательностях, где они проезжали и о тех, что им предстоит увидеть. Он старался охватить как можно больше мест. Они выходили из машины, чтобы пройтись по площади Белькур, где Екатерина увидела памятник, установленный Людовику XIV. Антуан показал ей несколько соборов, среди них Собор Сен—Жан, Старый Город, площадь Правительства, улица Мерсьер.

– А это, – говорил Антуан, показывая рукой через лобовое стекло, но не отрывая глаз от дороги, – Отель—Дьё, больница, где, кстати, – он сделал ударение на слове «кстати», – писал свой, наверное, самый знаменитый роман Франсуа Рабле – «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Екатерина буквально припала лицом к боковому стеклу.

– Ну, что смогли, что успели, то охватили, – сказал Антуан, когда они выехали на шоссе, ведущее от Лиона к Парижу, примерно в одиннадцать часов.

– Хорошо. Спасибо тебе большое, – она потянулась к нему и поцеловала в щеку, – мне все очень понравилось, особенно в твоём исполнении.

Они еще немного обменялись впечатлениями, а потом Екатерина уснула в кресле автомобиля. Ремень безопасности ей совершенно не мешал. Плохой сон ночью, большое количество впечатлений от Лиона и много информации об этом городе с утра, а также начавшаяся однообразная дорога – все это повлияло на то, что ее глаза начали слипаться, а затем и вовсе закрылись. А Антуан вел машине вперед под сопение

своей спутницы.

Екатерина проснулась от легких толчков в плечо и слов «Катрин, Катрин». Она открыла глаза, протерла их пальцами и увидела, что они стоят на заправке. За несколько секунд она смогла прийти в себя, но голова, по прежнему, была «тяжелая».

– Да, что, милый? – спросила она, прикрывая рукой зевок.

– Нам еще ехать часа два. Ты поесть или в туалет не хочешь?

Екатерина чуть подумала, прислушалась к своему организму и ответила:

– Да, пожалуй в туалет я схожу. Ты уже заправился? – машина стояла чуть в стороне, на парковочном месте.

– Давай, иди. Я подожду здесь.

Екатерина открыла дверь и вышла. На улице было тепло и дул приятный прохладный и не сильный ветер. Она зашла в здание и пошла туда, где были написаны буквы «WC». После того, как вышла, она посмотрела на прилавки и взяла бутылку минеральной воды, заплатила и вышла на улицу, направляясь обратно к «Peugeot».

– Едем дальше? – спросил Антуан с улыбкой, после того, как Екатерина села в машину.

– Поехали, – ответила она, открывая стеклянную бутылку минеральной воды.

Екатерина немного взбодрилась и спать ей уже практически не хотелось. Однако и с Антуаном они разговаривали ма-

ло. Шоссе было пустым в такое время, и по подсчетам Екатерины, они должны быть в столице Франции у гостиницы между шестнадцатью и семнадцатью часами. Она планировала принять душ, переодеться и после этого уже поехать на встречу.

Когда они подъехали к гостинице на часах у Екатерины стрелки показывали 4.31. До встречи у нее оставалось чуть меньше полутора часов. Погода в Париже не отличалась от Лионской, только температура, по ощущениям, была чуть выше, чем в городе на берегу Роны. Перед тем, как выйти из машины, Екатерина и Антуан поцеловались.

– Вечером встретимся? – спросил Антуан после поцелуя, – можем в ресторан сходить, приглашаю.

– Ну давай, – она не ожидала такого предложения, – только, – она сделала небольшую паузу, – давай, подъезжай к восьми часам. Тебе нормально?

– Да, хорошо. Буду ждать здесь, на той же машине, – он посмеялся.

– Хорошо, – она открыла дверь, – до вечера, – после этих слов она вышла из машины.

– Пока, – сказал Антуан Екатерине с улыбкой перед тем, как она закрыла дверь.

Подойдя ко входу в гостиницу, она обернулась и посмотрела на «Peugeot», в котором сидел Антуан. Он был с мундштуком, в который уже была вставлена сигарета, в зубах. Он махнул ей рукой, а она губами будто поцеловала его.

Екатерина помылась, надела свой вчерашний строгий наряд и направилась на встречу. Без пяти минут до назначенного срока она уже ждала Мари Конти.

«Только сейчас до меня дошло, что она тоже Мари. Только, надеюсь, что с этой Мари я после сегодняшнего вечера больше не встречу. О, а вот и она».

– Добрый вечер, Катрин, – на ходу приветствовала ее Мари.

– Добрый, – ответила она, когда Мари к ней подошла, – ну что, все согласовали?

– Да, никаких проблем нет, – она протянула бумаги из своих рук Екатерине, – держите, это все ваше. Вот штампы и подписи, – она указала пальцем с накладным ногтем на закорючку, которая представляла собой подпись и штамп организации.

– Ну значит все? Теперь сотрудничаем?

– Да. Могу вас поздравить, – они пожали друг другу руки.

– Спасибо вам. Как теперь? Вы свяжитесь еще по телефону с нашей компанией?

– Мы уже связались с руководителями. Все наладили, вам осталось только привести им эти документы как подтверждение сделки. Еще раз спасибо вам.

– Хорошо. Спасибо и вам. Всего доброго тогда?

– Всего доброго, Катрин.

Они вновь пожали руки друг другу и Мари пошла обратно в здание, а Екатерина села, внимательно просмотрела все

документы, а затем вышла и пошла обратно к гостинице.

«Надо позвонить Саше как приду в гостиницу».

Пока шла обратно, она думала как лучше построить разговор с братом.

В девятнадцать часов десять минут Екатерина зашла в гостиницу и подошла к стойке информации.

– Добрый вечер. Не подскажите, сколько будет стоить звонков в Москву?

Сотрудница посмотрела журнал и через полминуты ответила, назвала сумму франков за минуту.

– Спасибо. Звонить можно прямо сейчас?

– Да, пожалуйста, – она указала на телефон, который стоял на стеклянном столике в углу, а рядом стояли два кресла.

Екатерина подошла к столику, села в кресло и набрала номер телефона родителей. Через несколько гудков ей ответил знакомый с детства женский голос:

– Алло.

– Алло, – почти проглотила слово Екатерина, – привет, мама, – ей было в наслаждение снова поговорить на родном языке, хотя с матерью она могла говорить и по французски, как и с братом, но он говорил заметно хуже.

Безынттересное «алло» на другом конце сменилось искренней радостью.

– Привет, Катюша. Ну как ты там?

– Все хорошо, мама. Вот завтра домой поеду. Как вы то там?

– Знаем, что поедешь. Мы тоже хорошо.

– Слушай, а Саша сейчас дома?

– Да. Позвать?

– Да.

Екатерина слышала, как мама позвала: «Саш!», потом голос брата, который приближался: «Я тебе говорю, пап, что это в этом матче они победят», и сквозь смех он спросил: «Кто?», «Катя» – ответила мама. Когда она передала трубку сыну, из комнаты крикнул отец: «Еще посмотрим!», и они оба, отец и брат, засмеялись.

– Не спорь, бать! – уже в трубку сказал он, а уже потом обратился к сестре, поздоровавшись с ней улыбающимся голосом, – да, привет, Катюха.

– Привет, Саш, – через секунду она спросила, – ну что, встречаешь меня через два дня?

– Конечно, буду ждать на перроне, а так на машине буду. Как мы с тобой и договаривались. Ну а ты то как там, в своей командировке?

– Да все хорошо. Даже отлично. Саш, я хотела сказать тебе, – она сделала паузу, – я приеду из Парижа...не одна.

– Та—а—ак. С подругой или коллегой? Может с партнером по переговорам?

– Нет, Саша. Это не связано с работой.

– Что, решила вспомнить Бельгию? – не зло, а больше с грустью сказал брат.

– Тут другое...

– Да что может быть другое!?! – он перебил ее, – в общем, – он сказал уже спокойнее, – встречу, как мы и договаривались, а там уже будем смотреть, – он говорил это безразлично, Екатерина чувствовала, что он себя сдерживает, – хорошего тебе пути. До встречи, – он положил трубку.

Послушав некоторое время гудки в телефонной трубке, ее положила и Екатерина.

Она встала из кресла, подошла к стойке и заплатила за звонок домой. Именно тогда она обратила внимание на бейдж сотрудницы отеля, где было написано ее имя – Мари.

«Да вы издеваетесь. Уже третья за два дня».

Она грустная пошла в свой номер, на ходу теребя ремешок своей сумки.

Она зашла в номер, умылась, разделась и легла на кровать. Она уже забыла о приглашении Антуана в ресторан. Она переживала, как и переживал в Москве сейчас ее брат, она это знала, она это чувствовала. Через какое—то время она просто уснула с каплями слез на щеках.

Стук в дверь разбудил Екатерину. Она встала, надела джинсы и майку, посмотрела на часа, которые оставила рядом с одеждой, время было двадцать часов семнадцать минут, и подошла к двери.

– Кто там?

– Я – Антуан, – она открыла дверь, – что с тобой?

– Все нормально. Просто я очень устала сильно. Думаю, что не пойдем сегодня никуда. Ты извини меня, я очень хо-

тела и мне очень приятно твое приглашение, но я физически не могу сейчас пойти.

– Да, конечно, я все понимаю и извиняться не за что. Хочешь, я останусь сегодня с тобой?

Екатерина немного подумала и решила.

«Мне надо отвлечься».

– Оставайся, – она пропустила его в номер и закрыла за ним дверь.

Сразу после того, как дверь отделила номер от всех остальных, они одновременно обняли друг друга. Их губы соприкоснулись и поцелуи были очень «глубокими», языки переплетались. Руками они ласкали друг друга. Екатерина пропустила свои руки под футболку Антуана и ласкала его грудь, он же гладил ее по спине. Они отошли от двери в сторону кровати.

– Ложись, милый, – сказала Екатерина и чуть подтолкнула Антуана, тот, не сопротивляясь, «упал» на кровать.

Потом сел, а она села ему на колени и начала снимать с него футболку, а он снял майку с нее. Их груди прижались друг к другу, когда они обнялись крепко. Екатерина от наслаждения часто дышала и сжимала руками спину Антуана только крепче и крепче с каждым вздохом. Они чередовали поцелуи в губы, шею, плечо. Плавнo легли на кровать и она опустила свою руку на пряжку ремня партнера, а потом еще чуть ниже. Она физически чувствовала возбуждение и старалась сделать его еще сильнее. Антуан резким движением с

хлопком схватил Екатерину за ягодичы и она вскрикнула от этого, ее грудь плавно скользила по его груди во время ее плавных движений. Она села, раздвинув ноги, на уровне пояса Антуана. Он стал растягивать болты на ее джинсах.

– Стой. Пока еще рано, – она положила свои руки поверх его, — чуть позже, буквально один день, – он убрал руки, а она застегнула верхний болт.

Наклонившись к нему, она стала скользить языком по его телу, от шеи и до штанов. Дойдя до ремня, она его расстегнула, потом начала расстегивать уже сами джинсы. Затем она спустила джинсы одновременно с трусами до колен. Она подняла глаза на Антуана, он руками гладил ее голову, ласкал волосы. Они оба все понимали, поэтому он стал наматывать ее волосы себе на ладонь, а потом и направил ее туда, куда хотел он и куда хотела сама Екатерина. Он начал стонать, управляя головой Екатерины, на одной руке были намотаны ее волосы, а вторую он просто положил на её затылок. Он то ускорял, то замедлял темп. Иногда, он наклонялся к Екатерине, за волосы тянул ее голову к свой и они целовались. Он сполз чуть ниже, вместе с ним и Екатерина. Теперь он сидел на краю кровати, а она стояла на коленях на полу. Когда Антуан почувствовал, что скоро сил сдерживаться уже не будет, он встал, и теперь он стоял в полный рост, наклонив голову чуть вниз, чтобы видеть как Екатерина все делает. Он стал ускорять темп и он был уже очень быстрым, Екатерина старалась изо всех сил для Антуана. А потом он резко заставил

Екатерину закончить процесс, она все поняла, направила его на свою грудь. Он издал «рык» и на ее грудь стали падать теплые сгустки. Все это продолжалось несколько секунд, но они оба получили такое наслаждение и им казалось, что все длилось не один час. Когда все закончилось, Екатерина прижалась головой к животу Антуана и обняла его за ягодицы, он же обнял ее за голову и гладил.

– Тебе хорошо? – спросила она.

– Очень. А ты как?

– Все чудесно.

Они провели в таком положении несколько минут, а потом, сначала Антуан, а следом Екатерина, пошли в душ.

Екатерина проснулась утром первой, Антуан спал к ней лицом и она чувствовала его дыхание на своем плече. Она со спины легла на бок и повернулась к нему лицом. Рукой она обняла его и прижалась к телу. Теперь прохладный воздух попадал ей прямо на лицо. Ночью они только спали, рядом, а главное для нее – вместе. Солнце отражалось от стекла в здании рядом и отраженные лучи попадали прямо в комнату номера Екатерины. Она смотрела на лицо Антуана и наслаждалась им.

«Он такой милый. Красивый. Заботливый. Ладно, сегодня в обратную поездку, а уже там, как приедем, будем со всем разбираться. Пока я могу всем наслаждаться и не думать о другом. И это прекрасно».

Вчера она смогла по-настоящему расслабиться и полу-

чить, хоть и не полное, но удовольствие. И она была искренне рада этому и наслаждалась сейчас тем, что вспоминала вчерашний вечер. Но ее воспоминания прервала естественная нужда. Почувствовав, что хочет в туалет, она встал аккуратно, чтобы не разбудить Антуана.

«О, похоже, все закончилось и сегодня мы с ним сможем полноценно быть вместе».

Когда она вышла из туалета, выключила там свет и после этого, повернув голову в сторону кровати и опустив свой взгляд на нее, увидела, что Антуан уже не спит.

– Доброе утро, – сказал он ей, заложив руки за голову.

– Доброе, – она легла на кровать и положила голову ему на грудь, а правую руку – на живот. Он вытащил одну руку из-за головы и стал гладить Екатерину по спине. Она начала «мурлыкать» от удовольствия.

Они пролежали так какое—то время, не следя ни за секундами, ни за минутами, ни за часами. Но Екатерина решилась закончить эти объятия и встала после этого с кровати. По пути в душ, она посмотрела на свои часы, которые лежали на столе, стрелки стояли ровно: маленькая – на цифре «9», большая – на числе «12».

– Хватит спать, – она с улыбкой повернулась к Антуану, – уже девять часов, – после этих слов она шутя ударила его по ногам (он их сразу поджал) и пошла в душ, а он, ответив ей только улыбкой и смехом, когда она ушла – подошел к окну.

Выйдя из душа, Екатерина оделась (Антуан был уже почти

готовов тогда, когда она только вышла) и они спустились вниз. Выйдя на улицу, они пошли к машине Антуана.

— Ты сейчас домой?

— Да. Нужно к поездке вещи подготовить. У тебя выселение в двенадцать?

— Да.

— А тогда подъеду, заберу тебя с вещами, а потом оставим их у меня и можем пойти прогуляться по городу, пообедать надо будет.

— Отлично. Тогда буду тебя ждать.

Они обнялись, а потом Антуан открыл дверь и сел в машину. Опустив боковое стекло, он смотрел на Екатерину, а она нагнулась к нему. Они еще чуть пообщались, пока Антуан прогрел автомобиль и вставлял сигарету в мундштук, явно не торопясь. Они попрощались, поцеловались в губы и он уехал от гостиницы, чтобы через несколько часов сюда же вернуться. Екатерина, проводив его автомобиль взглядом, пошла обратно в здание, на завтрак, в прекрасном настроении. Но она все равно, и весь вечер предыдущего дня, и утро сегодняшнего, думала о своем брате с теплом и грустью одновременно.

После довольно плотного завтра, Екатерина сразу, не заходя в номер, вышла прогуляться в округе. Она наслаждалась погодой, теплом, радость была на ее сердце. Только к десяти часам тридцати минутам она вернулась в гостиницу и стала собирать свои вещи. Их было не много, поэтому спра-

вилась она довольно быстро. А после того, как закончила, взяла книгу и стала читать, в ожидании Антуана. Мысли ее, однако, далеко не все были в книги.

Без десяти минут двенадцать она вышла из номера, спустилась вниз и сдала ключ от номера, предварительно подписав бумаги о выселении. Ей сказали обычные, в таких случаях, слова и задали стандартные вопросы. Понравилось ли ей у них, все ли было хорошо, ее жду здесь снова, а напоследок, ей пожелали счастливого пути. Когда она обернулась от стойки к креслам и столику, на котором стоял телефон, с которого она вчера звонила домой и по которому вчера разговаривала с родными, в одном из кресел, в том же, что сама Екатерина сидела вечером, закинув ногу на ногу, сидел Антуан. Он сразу встал, как увидел не ее затылок, а лицо, подошел к ней, взял чемодан и они вышли из гостиницы в направлении «Peugeot».

«Спасибо этому дому. Но, как говорить, в гостях хорошо, а дома все же лучше».

В машине, пока они ехали до квартиры Антуана, они общались о своем, личном, или, если проезжали какое-то примечательное место, он сразу рассказывал что-то об этом месте, помимо его названия.

«Сколько он всего знает о достопримечательностях, об истории городов своей страны. Я не перестаю этому удивляться. И это прекрасно – такая эрудиция, начитанность историей. Только странно, ну как мне кажется, что молодой мужчи-

на, у которого это не специальность, не специфика работы, а просто интерес и любознательность, так много знает. Для простого интереса это слишком много. Похоже, что вместо секса и женщин, он увлекался и изучал все это. Но что делать. Правда, это, может, я сама себя накручиваю, придумываю. Все! Хватит. С ним мне очень интересно, это правда. А все остальное – додумки моего мозга и подсознания, что никому нельзя верить и доверять, кроме родных. Это полезно, но так не должно быть всегда. почему-то я уверена в Антуане».

Они остановились перед домом, в котором, по взгляду Екатерины, было не больше двенадцати этажей.

– Ну вот и приехали, – сказал Антуан, поднимая ручник, – вот тут я и живу.

– На каком этаже?

– Пятый, – ответил он и открыл дверь. Одновременно с ним дверь со своей стороны открыла Екатерина.

Антуан достал из багажника чемодан Екатерины, а затем поставил автомобиль на сигнализацию, проверив, закрыты ли все двери. Он открыл дверь перед Екатериной, а затем зашел сам. На лифте они поднялись на пятый этаж и подошли к металлической двери. Антуан поставил чемодан на пол, освещенный лучами солнца, которые попадают из окна, и достал небольшую связку ключей. Екатерина увидел в связке брелок, который был раскрашен в цвета французского флага и по форме был как очертания страны на карте.

– Проходи, – пригласил он ее пойти первой, после того как открыл дверь.

Зайдя, Екатерина попала в небольшой холл откуда просматривалась комната, кухня и две двери в туалет и ванную комнату.

«Светлая, довольно уютная квартира. Неплохо так, тем более, хорошо, что светло так, обои, пол. А то Саша с Лизой любят по мрачнее, темнее. А для меня это наоборот тяжело-вато».

– Ну как тебе, на первый взгляд? – спросил Антуан, поставив чемодан и закрыв после входную дверь.

– Уютно, – она повернулась к нему, обняла за плечи и поцеловала.

Они разулись, Антуан показал ей ванную, чтобы помыть руки, а когда пошел сам, Екатерина пошла в единственную в квартире комнату. В ней стоял большой шкаф, как она поняла, обратив внимание на отсутствие кровати или дивана, этот шкаф в нужное время трансформировался еще и в кровать. Перед окном, стоял телевизор, рядом усилитель, проигрыватель музыкальных дисков, проигрыватель виниловых пластинок и еще видеомagneтофон, а справа и слева – две колонки. В углу, слева от входа в комнату стояло кресло. Также она увидела в комнате партитуру, две скрипки, три смычка, небольшой круглый столик, стул и стеллаж с пластинками, дисками, кассетами.

– На что засмотрелась? – она услышала голос Антуана у

себя за спиной, а его руки обнимали ее вокруг живота. Он положил подбородке на ее правое плечо и поцеловал в шею.

– Хорошая коллекция, – она кивнула головой в сторону стеллажа, – да и вообще, – она развернулась к нему лицом. Его руки скользили по ее телу и теперь были уже на ее пояснице, – мне тут очень нравится.

– Кофе, чай будешь?

– Давай чай.

– Черный или зеленый?

– Черный.

– Тогда сейчас его сделаю, – он разъединил пальцы рук за ее спиной и пошел на кухню. Она пошла за ним, но медленно, рассматривая все вокруг.

Когда она зашла на кухню, он уже поставил чайник на плиту и засыпал заварку в чайник. После он достал кофе и турку, а затем поставил ее на плиту, рядом с чайником.

– Хозяйственный, – сказала улыбаясь Екатерина, упершись плечом в стену.

Он ответил ей только улыбкой.

Кухня была в кремовых цветах. Она села за стол, вокруг которого стояло четыре стула и постучала ногтями по нему, повернув голову к окну. Через пару минут Антуан поставил перед ней чашку с чаем, а себе – с кофе и сел рядом.

– Куда пойдем? – спросила Екатерина, сделав первый глоток из своей чашки.

– Я думаю, что сейчас мы погуляем здесь, в округе, тем

более, здесь столько мест. Уж поверь. Сразу все рассказывать не буду, лучше все увидишь сама. Пообедаем здесь же, я знаю неплохое очень даже кафе. А уже в районе пяти – шести заберем наши вещи и поедem на вокзал, заодно и метро наше увидишь. Поезд во сколько?

– В девятнадцать сорок четыре.

– Ну и отлично. Тогда у нас с тобой достаточно времени, – он сделал глоток из своей чашки, которая была раза в три меньше чашки Екатерины.

Екатерина взяла свою чашку и пошла в комнату, Антуан пошел следом. В комнате она стала рассматривать виниловые пластинки, в это время он стоял облокотившись плечом на дверной косяк и пил кофе.

– Только не пролей на них ничего, – без шуток, абсолютной серьезно сказал Антуан.

«Да я на Сашкины ничего не проливала, а тут то абсолютно чужие пластинки».

– Я все аккуратно. Не переживай.

Она читала названия групп и исполнителей, знакомых ей благодаря брату: Deep Purple, Led Zeppelin, Doors, Elton John, Whitesnake, Who, Uriah Heep. И многие другие. Ниже стояли пластинки с классической музыкой – Бах, Моцарт, Чайковский, Бетховен. А сбоку стояли франкоязычные шансонье – Шарль Азнавур, Джо Дассен, Жак Брель, Серж Гинзбур и это только те, кого Екатерина слышала и знала.

«Есть очень красивые издания. У нас так не издавали, к

сожалению. Но главное – издавали. Главное ведь содержание, а не оформление. Хотя, зачастую, для многих важнее именно внешнее качество. А вообще, лучше всего когда одно сочетается с другим!»

– Впечатляющая коллекция. У меня у брата тоже много пластинок. Может тебе удастся познакомиться с его коллекцией, – она улыбнулась – он в ответ, – узнаешь о таких группах как АукцЫон, Аквариум, Зоопарк, Наутилус Помпилиус, Машина Времени, Воскресение и другие.

– О некоторых я слышал. А, – он произнес название группы АукцЫон с таким акцентом, что Екатерина посмеялась тихо, – много шума у нас наделал в восемьдесят девятом году. В Бурже. Так подожди, – он подошел к ней, поставил чашку на пол и стал смотреть музыкальные диски, ища нужный ему. Через несколько секунд он достал CD и дал его Екатерине, – вот. Даже купил тогда, но это без связи с тем инцидентом, – он будто виновато улыбнулся.

На обложке она прочитала название группы, написанное слева сверху—вниз – AUKTSION, а сверху название альбома на французском языке белыми буквами – «Comment je suis devenu un traître». Все это было написано на красном фоне, а по центру обложка альбома и название альбома на родном Екатерине языке – «Как я стал предателем».

«Ничего себе. Может он все же понравится Саше? Но это, конечно...неожиданно, мягко говоря. Тем более ему тогда было то чуть больше двадцати».

– И ты слушал? – с интересом спросила она, когда, поставив чашку на пол, рядом с чашкой Антуана, листала буклет с текстами песен, которые тоже были переведены на французский язык.

– Да. Но слов вообще не могу понять в их песнях. А музыка интересная. Вообще, там довольно забавный, в хорошем смысле, был фестиваль.

Она вставила альбомчик обратно в коробку, посмотрела обратную сторону коробки – название всех песен было написано на французском языке, и передала диск обратно Антуану. Он поставил его на место, а потом с пола взял свою чашку и чашку Екатерины. Встал рядом с ней, передал ей чай, услышал милое «merci», а потом стал смотреть на Екатерину, которая продолжала рассматривать коллекцию.

После чая и кофе, а также удивления Екатерины, они, оставив все вещи дома, Екатерина не стала даже брать свою сумочку, вышли на улицу, наслаждаясь приятной, почтилетней погодой и компанией друг друга. Смотря на дома вокруг, Екатерина заметила и название улицы, чего не увидела когда они ехали на машине. На домах были таблички с надписью – «Rue Saint-Jacques». И тогда она поняла на какой улице они находятся.

«Не зря Антуан говорил, что недалеко от сюда есть на что посмотреть. Хотя бы из-за одного сооружения на улице Святого Жака».

Екатерина увидела во время прогулки и прослушала ми-

ни-экскурсию от Антуана о Пантеоне, Церкви Сен-Этьен-дю-Мон, Лицеи Генриха IV. Ну а потом он показал ей то, о чем она вспомнила сразу же как увидела название улицы – Сорбонна. Она наслаждалась этой прогулкой, тем более рядом с ней был мужчина, которого она полюбила. Дойдя до конца улицы, они вышли на мост, табличка перед которым говорила о его названии – «Petit Pont».

– Пёти Пон, – вслух прочитала Екатерина.

– Да. А теперь посмотри направо, – он обнял ее за талию и «помог» ей повернуться.

Это был еще один сюрприз от Антуана – Собор Парижской Богоматери. Она буквально замерла, смотря на него. Отсюда открывался прекрасный вид, не такой, конечно, как если стоять прямо перед ним, но тоже очень красивый. Ну а чуть ближе был памятник Карлу Великому.

– Какое чудо, – сказала она, когда перевела взгляд с Собора на Антуана, – спасибо тебе за такое, – она поцеловала его.

Он ответил ей поцелуем и улыбкой.

– С Моста Сен-Мишель видно, конечно, лучше, но мы с него посмотрим, когда обратно пойдем. А этот мост исторический. Из его внешнего вида, думаю, ты поняла почему его называли Малый Мост. В длину он всего около двадцати—тридцати метров. Он очень старый. Если я ничего не путаю, то он упоминается еще со времен завоевания римлянами Галлии. Что с ним только не происходило. Мы сейчас стоим на мосту, который был отстроен еще в середине де-

вятнадцатого века. А так его и поджечь хотели, когда он был деревянным, но затея норманнов тогда не удалась, и смывало его, выходявшей из берегов Сеной не один, и не два раза. А с норманнами вообще было. Они так изошрились... в общем они подожгли корабли и направил их на мост. Но им не удалось ничего с ним сделать. Корабли затонули раньше.

Екатерина слушала его и не отводила глаз от Собора.

А затем они пошли обратно, отойдя в сторону от улицы Святого Жака, чтобы посетить кафе, о котором говорил Антуан Екатерине. В обратном направлении они перешли Сену так, как и говорил Антуан – по Мосту Сен-Мишель. Кафе находилось не так далеко от моста. Зайдя внутрь кафе, она сразу почувствовала уют этого места. Они выбрали столик в углу, зал был заполнен чуть меньше чем на половину. Они сделали заказ, а в его ожидании Екатерина говорила безумолку о тех впечатлениях, что подари ей лионез. Она сама не ожидала, что прогулка произведет на нее такое впечатление. Когда принесли заказ, она сделала глоток соку и продолжила говорить, пока не притрагиваясь к еде. Только после того, как Антуан уже третий раз напомнил ей об обеде, она взялась за нож и вилку, но продолжала говорить, правда, уже меньше.

Дома они оказались за двадцать минут до восемнадцати часов. Вещи были уже все готовы их оставалось только забрать.

– Катрин, сколько я должен тебе за билет? – спросил Ан-

туан, когда они зашли в комнату за вещами.

– Да потом отдашь, что ты, – со смущенной улыбкой ответила Екатерина.

– Нет. Давай сейчас.

– Ну хорошо, – она достала билет из сумки и указала ногтем на цену, написанную на билете.

Он отсчитал нужную сумму и передал деньги Екатерине. Это были недавно напечатанные купюры, еще «хрустящие».

– Ну вот все и уладили, – сказал Антуан, убирая кошелек в карман.

– Ну да.

Они взяли свои вещи, до этого Антуан проверил все ли выключено в квартире и отключено от сети, и вышли из квартиры. Он закрыл дверь на оба замка и положил ключи сразу в чемодан, подальше.

«Наверняка, у мамы есть ключи от его квартиры. Почти уверена».

Екатерина вновь получала удовольствие от прохода по улице, на которой находится дом, в котором живет Антуан. Единственный город, из тех где она была, который был, по ее мнению, красивее Парижа – это Петербург. Она довольно часто там бывает, особенно в гостях у брата и его жены Лизы.

«Петербург, конечно, для меня – верх совершенства. Где сочетаются мрачность и радость, темнота и свет. Но Париж для себя я ставлю на второе место это определленно».

Они пошли к ближайшей станции метро – Кюни-Ля-

Сорбонн и когда они спускались под землю, Екатерина спросила:

– До какой нам станции?

– Гар-де-л’Эст. Именно на ней находится Восточный вокзал города Парижа, – специально Антуан сказал последние слова наигранно—высокомерно.

Пока они не спеша добирались до вокзала время шло для них незаметно. Поэтому, часы, которые находились в зале ожидания, показывали время – восемнадцать сорок пять, когда они туда зашли. На табло уже появился поезд Париж—Москва, его номер, путь с которого он будет уходить, и время отправления.

– Я думаю, что уже нет резона куда-то еще идти, – сказал Антуан, когда они стояли чуть в стороне, переводя взгляд с табло на Екатерину.

– Согласна, – ответила она, убирая один из билетов обратно в сумку, после того как сверила номер поезда с данным на табло.

– Пойдем, может, пока в кофейню? – он указал рукой на противоположную сторону зала.

– Пойдем, – они взяли за ручки свои чемоданы и повезли их в сторону кофейни, лавируя между потоками и группами людей.

Помещение кофейни было не очень большим. Они подошли к стойке и сделали заказ: Екатерина – чай и молочный коктейль, а Антуан взял три шарика ванильного морожен-

ного. За все платил он. Через пару минут они сами забрали свой заказ и сели за уже ранее выбранный столик, где и оставили вещи.

– Даже как-то волнительно все, – сказал Антуан и положил себе полную ложку мороженого в рот.

– Что именно? – заинтересовано спросила Екатерина, обхватив губами трубочку.

– Да все! Наше с тобой такое быстрое знакомство, а затем и вовсе совместная поездка. Все это удивительно, неожиданно, и одновременно с тем, очень приятно. Вот так, случайно, подменил друга, – он облизнул верхнюю губу, – встретил тебя. Ну разве это не то, что люди называют судьбой?

– Ну а почему и нет? – риторическим вопросом ответила Екатерина и стала трубочкой пить чай, забавы ради, – я вот думаю тоже самое. Вообще, – она положила трубочку обратно в стакан с коктейлем, а руки на стол, скрестив пальцы, – если честно, я сразу как тебя увидела, ощутила по всему телу такое..., – она стала пальцами ловить воздух, – тепло, эмоции. Со мной такое, – она вспомнила Бельгию, – можно сказать, что впервые.

– А почему ты сказала «можно сказать»? – он перевел взгляд с ее рук, на ее глаза.

– Да так. Один раз я уже такое почувствовала и потом..., – она вздохнула, – все это очень плохо кончилось. Он спал со мной, пока его жена рожала. Вот такая была ситуация.

– Извини, что заставил тебя это вспомнить, – после почти

десятисекундной паузы сказал Антуан.

– Да ничего страшного. Все это в прошлом. Сейчас у меня появился ты и я очень рада.

Они улыбнулись друг другу.

«Сказать ли ему, что после Бельгии Саша очень болезненно реагирует на такие мои знакомства. Ладно, пока не буду».

– Тот момент научил меня многому. Не зря бытует фраза – «все что не делается – все к лучшему». И я привыкла ей руководствоваться и в плохих, и в хороших ситуациях. Брат у меня такой же. Только он все же более нервный, более вспыльчивый, но умный, готовый к жизненным ситуациям. Понимаешь, мы с ним вместе, мы очень много общаемся, но стараемся не лезть в жизнь друг друга. Но он старший, поэтому он... он как бы оберегает меня, заботиться обо мне. Он не бежит за мной и не следит за каждым моим шагом, я просто чувствую, что он все время рядом со мной, вот тут, – она указала средним и указательным пальцами правой руки грудь, – так что у нас в семье очень хорошие отношения друг с другом, что во многом благодаря воспитанию моих родителей, за что я им очень благодарна. И надеюсь, что и ты сможем войти в эту семью, будучи со мной. А то мой брат женат, а я все еще не замужем, – она искренне по доброму посмеялась.

Антуан взял ее за руку и они соприкоснулись губами.

– Сколько до поезда? – она глазами указала на часы, которые Антуан носил на правой руке.

– Тридцать три минуты примерно. Можно уже двигаться на перрон.

Екатерина допила чай (коктейль она выпила чуть раньше), Антуан собрал ложкой остатки мороженого и сливки, которые образовались после того, как часть его растаяла. Они встали из-за стола, взяли свои вещи и, держась за руки, вышли из кофейни.

МОСКВА

После того, как Александр положил трубку телефона, весь оставшейся вечер он был грустным и больше не смеялся и не шутил. Когда он разговаривал с сестрой, родители были в другой комнате, поэтому не слышали их разговора, хотя отдельные слова Александра слышать могли, поэтому пока он не стал им рассказывать о новых отношениях их дочери. Он хотел уберечь сестру от всего плохого, он очень ей дорожил, а после Бельгии он стал переживать за нее еще сильнее.

Он был в Москве по работе. Требовалось встретиться с несколькими партнерами для осуждения деловых вопросов. Он бы с удовольствием поехал бы из Петербурга в Москву на поезде, но отказался от этой идеи, когда узнал, что встретиться ему придется не только в Москве, а еще и в Балашихе, Химках, Раменском, Коломне, и даже в Калуге.

«Откуда у нас такое количество партнеров? Москва, да еще и с областью».

Говорил он себе, добираясь до встреч с партнерами.

Остановился он у родителей, взяв с собой небольшую

спортивную сумку с вещами. Ездил он на стареньком Opel Kadett C. У его отца была машина Жигули-1600 или, другое название, ВАЗ- 2106, более известная в народе как «шестёрка». Возможность у Александра купить машину новее и престижнее может и была, если напрячься, но пока он этого делать не хотел, да и ситуация внутри страны этого не позволяла. Машина для него первым делом была безопасным средством передвижения, а уже потом престижем, комфортом и прочим. Да и водить он не особо любил, общественный транспорт всем его устраивал, но для работы машина порой была необходима и удобна. Он и автомобильные права получил, когда ему было уже далеко за двадцать. До этого все вождение автомобиля сводилось к тому, что он мог тронуться под присмотром отца на «шестерке» и проехать несколько метров в гаражах или на проселочной дороге, где безопасно и машине, и окружающим, которых просто не было рядом.

Сейчас, возвращаясь в комнату, где сидели родители и откуда он вышел, чтобы пообщаться с сестрой по телефону, он смотрел на них и тут же вспоминал свое детство. Каждый зимний вечер, возвращаясь с работы, отец тут же шел с ним гонять шайбу в ближайший двор, по утопанному снегу или насту. Он только переодевался в подходящую одежду, не играть же с сыном в хоккей в утепленных ботинках под костюм, брюках, и пальто.

«Играл он, конечно, не очень. Но играл со мной и очень много времени мы проводили с ним. Хоккей, футбол, ры-

балка, грибы».

Но сейчас Александру, пока он шел до комнаты, вспомнился именно один из вечеров второго месяца зимы. Он как сейчас помнит, что это была пятница, а впереди два выходных. Он уже поиграл после школы с одноклассниками, а вечером потащил играть еще и отца. Он был в красно-черной куртке и зимних штанах и ботинках на толстой подошве. Они, как всегда, вставали друг напротив друга на расстоянии примерно двадцати-тридцати метров и перебрасывали друг другу шайбу: то верхом, то так, чтобы шайба скользила по насту, то щелчками. Через какой-то время они начинали «возиться», пытаясь обыграть друг друга вблизи. Затем снова расходились. И так продолжалось пока не надоест. И сейчас он помнит как прилетела ему шайба прямо в колено, с внутренней стороны. Неудачно он тогда попытался сначала принять шайбу, а потом поняв глупость затеи – уже не успел отскочить. Серьезных последствий не был, но как раз, заходя в комнату он вспомнил этот удар и чуть погладил свое колено, стоя в дверном проеме.

– Что-то болит? – спросила мать, подняв глаза от книги, когда он входил.

– Да нет. Все нормально. Просто вспомнил детство, – ответил он с улыбкой.

– Ну как Катя?

– Все нормально. Приедет как и договаривались, – совсем без эмоций ответил Александр, садясь в кресло.

– Хорошо, – мама опустила глаза в книгу, а отец смотрел телевизор как и раньше.

Его отец очень устал последнее время на работе, поэтому такие вечера, когда тихо, спокойно, были для него в радость. В таком графике ему нужно было еще поработать примерно две недели, а дальше все будет намного проще. А мама уже была дома и занималась исключительно домашними делами, но бывало, что уставала не меньше. Сейчас, сидя в кресле, Александр смотрел на них, когда был в комнате, и перед ним проносились его детские фотографии, которые были в альбомах на стеллаже и которые он помнил и так.

«Столько всего было...казалось, что вот недавно я еще был в детсаде, потом школа...которая тоже очень быстро прошла, институт, про который я вообще молчу. Вроде бы, только поступал недавно, все эти переживания, экзамены и радость от зачисления, а уже диплом пишу. И также жизнь. Вот и родители уже с сединой, морщинами. Время, конечно, летит...И столько всего уже пережито. А что-то только предстоит увидеть, ощутить. С чем-то мне в будущем еще придется познакомиться».

– Пойду позвоню Лизе, – сказал Александр через несколько минут молчания в комнате, вставая с кресла.

– Давай, – вставил отец.

– Передавай от нас «привет», – попросила его мама.

– Конечно передам, как может быть иначе, – он вышел из комнаты и пошел по коридору к телефону.

Со своей будущей женой Александр познакомился в Зимнем Дворце уже больше десяти лет назад. Он любил ходить туда и наслаждаться искусством, отдыхать там. Елизавета же приехала в Петербург учиться, а затем и осталась здесь жить из Белорусского города Брест. Познакомились они тогда, когда Александр сидел в оружейном зале. Она подсела рядом. Он не обращал на нее практически никакого внимания, пока она не спросила его о некоторых экспонатах в зале, про который Александр довольно подробно и интересно смог рассказать. Именно тогда он и смог рассмотреть ее — от ее глаз после этого он оторваться уже не мог.

«Она была воплощение такой...нежности, мягкости, что ее хотелось обнять, прижать к себе и не отпускать».

А что прижимать и чего не хотелось отпускать хватало и без прекрасных темно—синих глаза Елизаветы. В тот день они после Эрмитажа гуляли по Ленинграду до самого вечера, а расстались уже у дома, где она жила, договорившись встретиться снова завтра. И в тот вечер Александр если и думал, то только в последнюю очередь, что сейчас ему ехать в другую часть города на метро, которое скоро уже закроется.

Через год после знакомства они поженились.

— Добрый вечер, Лиз, — как сняли трубку, через несколько гудков, сказал Александр.

— Привет, Сашуль. А я тут ужин себе делаю. Скучаю по тебе уже, — он знал, что все это она говорит искренне. Она его очень сильно любила и не хотела терять, как и он ее.

– Ну как ты там?

– Да все нормально. Особо дома то только вечерами, а так работаю как и ты, работаю. Благо скоро уже летние каникулы, отпуск.

– Ну да..., – он сделал короткую паузу, – ну мы же не о работе разговариваем, а он нас, – он улыбнулся.

– Да, согласна, – она тоже чуть повеселела, – очень жду твоего возвращения.

– Да вернусь уже скоро, – он услышал из комнаты – «привет передай!», – хорошо, – сказал он «в коридор» и вернулся к телефонному разговору, – от родителей привет тебе.

– О, и ты им передай от меня, – она воодушевилась.

– Вам привет! – крикнул он, чуть повернувшись.

– Спасибо! – ответили родители в унисон.

– Главное что все у тебя хорошо, – вернулся он к диалогу с женой.

– У тебя то все хорошо?

– Да, никаких проблем. Только вот Катюха снова, похоже, с кем-то снюхалась. На этот раз из Франции. Не имётся ей.

– Саш, ты не горячись сразу. Ты же не знаешь кто он, может и отличный парень будет. Я вот тоже снюхалась с каким-то ленинградцем! – она сказала последнее предложение громче и смеясь.

– Есть такое, – он посмеялся, – ну вот через несколько дней и встречу его.

– В каком смысле?

– А он вместе с Катькой едет в Москву из Париже.

– Вот это да, – она удивилась, – может действительно все серьезно? – толи спрашивая, толи утверждая сказала она.

– Посмотрим, – сказал он и на секунду замолчал, – ладно, если что звони, а так позвоню послезавтра вечером, хорошо, милая?

– Конечно. Доброй ночи тебе. Я с тобой рядом.

– А тебе приятного аппетита. Я тоже с тобой, моя дорогая.

– Спасибо. Пока.

– Пока.

Они оба положили трубки одновременно, чтобы не слышать гудки, которые разделяют их. Александр еще постоял перед телефоном, постукивая указательным и средним пальцами по трубке.

«Да—а, так вот мы и живем».

Развернулся и пошел обратно в комнату.

Родители уже собирались ложиться спать, поэтому когда он вернулся в комнату, они уже уходили из комнаты, оставив включенный телевизор, зная, что Александр вернется.

– Вы уже ложиться? – спросил он, когда родители выходили ему навстречу.

– Да, – ответила мама и поцеловала сына в щеку, – доброй тебе ночи, – она улыбнулась и погладила сына по спине.

– Доброй ночи, – ответил он маме, а потом сказал проходящему отцу, – пока. До завтра, – и махнул ему рукой.

– Спокойной ночи, сынок, – слово «сынок» он сказала на-

меренно растягивая его и делая на него ударение, – я уж тебя целовать не буду, – а потом хлопнул по спине и прошел дальше.

– Да я тоже не собирался! – бросил отцу в спину Александр и они оба посмеялись.

Он жил у родителей уже третьи сутки, поэтому знал что и как работает и где что находится. Да и до этого он провел здесь все детство и юность.

Александр лег на диван, где до этого сидел отец, и направил свой взгляд в телевизор, думая совершенно о другом. А там, по телевизору, шла очередная глупая, по его мнению, передача.

«Катюха, Катюха, ну что же ты все...какие-то авантюры (он положил тыльную сторону ладони правой руки на лоб, а левую руку положил за голову). Это, конечно, не моя жизнь, но, черт, задницей чувствую, что этот француз не окажется таким уж хорошим парнем. Возможно, я ошибаюсь, но...но пусть все же я лучше ошибаюсь. Пора бы ей уже обзавестись семьей, мужем, детьми (он приложил указательный и большой палец к закрытым глазам и свел их на переносице). Дети. Надеюсь, что в отличии от нас с Лизой, дети у нее будут. Ладно, Катя, отдыхай там. Да и мне уже пора ложиться».

Он встал, выключил телевизор и пошел в ванную чистить зубы. Когда он проходил мимо комнаты родителей, то шел «на цыпочках», стараясь не шуметь. «Почистившись», зашел

в свою комнату, снял штаны и футболку, лег на кровать, не накрываясь даже простыней, потому что было очень тепло дома, и уже через несколько минут уснул, перевернувшись до этого со спины на живот.

Обычно, сны Александру не снились, но сегодня он видел сон. Необычный и неприятный сон. Ему снилось то, чего не происходило на самом деле в жизни, но могло произойти. Он видел во сне, который был черно—белым и немного мутным вначале, себя еще подростком, который шел, держа за руку, маленькую девочку в платье – Екатерину. Они шли по парку, Парку Победы, который находится в Ленинграде и где они не могли еще гулять в таком возрасте. Рядом с аллеей был большой пруд, где плавали утки и селезни. Светило солнце, а легкий ветер чуть развивал его волосы. Маленькая, жизнерадостная девочка держала брата за руку и прыгала рядом, улыбаясь и смеясь. Он остановился и поднял девочку на руки, а затем стал крутиться сам, держа сестру над собой. Она радовалась этому и кричала, хихикала. Потом он опустил ее на землю, она схватила его за руку и сказала:

– Пойдем, уточек посмотрим! – и стала тянуть брата за собой.

– Иду, иду, – смеясь, ответил он и специально не сопротивлялся, чтобы сестра сама его за собой вела.

Они подошли к берегу, где ходили несколько уток, а большинство было в воде. Когда они буквально подбежали, утки сами быстро разошлись в стороны или же вернулись в воду.

Маленькая Катя стала тянуться ручками к воде, а Александр придерживал ее руками за бока и приговаривал:

– Аккуратно, Катя, аккуратно.

Она плескала своими пальчиками воду и смеялась, Александр же был сконцентрирован, но улыбался, когда сестренка поворачивала голову и смотрела на него.

– Саша, поддержи меня, я хочу дальше.

Александр взял ее за кисть, а она тянулась дальше, ближе к уткам, которые от нее уплывали и только селезни подплывали к ней. Один из них подплыл очень близко к ее руке и цапнул ее за палец. Катя быстро отдернула руку, вытащила ее и обняла брата. Он взял ее руку и посмотрел на раненый палец, из которого шла кровь. Катя заплакала. В этот момент поднялся сильный ветер, небо заволокло облаками и пошел сильный дождь. Вода в пруду стала волноваться и волны выплескивали воду на берег, где Александр обнимал Катю.

– Идем отсюда.

Он взял сестру на руки и хотел унести ее подальше, но не смог этого сделать. Когда он уже развернулся спиной к пруду, ударила такая сильная волна, что снесла его с ног, а Катя выскользнула у него из рук. Он встал, сразу повернулся к пруду и увидел, как его сестру уносит в самую середину водоема. Он бросился в воду, волны били ему в лицо, но он продолжал с ними бороться, иногда специально подныривая под них. Он видел как ее ручки еще били об воду, но кроме рук сестры, он больше не видел никакие части ее тела. Он

был слишком далеко, приближался он к ней медленнее, чем она удалялась от него. И вот уже под водой скрылись и ее руки. Александр стал еще быстрее плыть и кричать, отшвыривая воду в стороны. Когда руки сестры пропали из вида, волны прекратились, облака разошлись и открыли солнце, а ветер стал таким же легким, как был ранее. Он остановился и увидел, что отплыл от берега максимум на семь метров. Он смотрел на небо, деревья, людей вокруг не было, ни одного человека. Перед ним проплывала пара – утка и селезень, причем селезень был еще молодой, в то время как утка была уже стара. Они плыли рядом, как влюбленная пара. Он смотрел на них и не мог ничего понять. Он опомнился лишь тогда, когда увидел, что из под воды что-то поднимается. Это что-то поднялось наверх прямо под уткой и селезнем. И это что-то была его младшая сестра. Ее тело плавало на поверхности воды и старая утка с молодым селезнем уже не плыли, а ходили по телу сестры. Александр быстро подплыл к ней, согнал «пару», и посмотрел на сестру. Точнее на ее тело, которое стало бледным, но глаза были открыты и оставались они такими же жизнерадостными, а улыбка не сошла с ее губ.

Именно на этом моменте Александр проснулся, резко открыв глаза и громко выдохнув. Он поднялся и сел на кровати не слезая с нее. Солнце из окна светило прямо ему в лицо.

«Фу—у. Присниться же такое (он повернул голову к окну и солнце стало светить ему прямо в глаза). Вот она жизнь».

Он «упал» головой обратно на подушку, поднял руки перед собой, теперь солнце освещало их, и посмотрел на часы, что весели на стене.

«Еще только шесть утра. Серый туман и дождь. Светает. Шесть утра. Вот и наступило то самое завтра. О котором я что-то слышал вчера».

Прочитал он грустно, стихотворением песню, написанную Майком Науменко и исполненную группой «Зоопарк», которая называется «6 утра».

Дождя и тумана в это утро не было на улице, но туман был в сознании Александра, а дождь был в его душе.

Он боковым зрением заметил движение. Повернув голову, он увидел кота, который жил у родителей уже лет десять и который в это утро пришел к нему.

– А это ты, ушастый, – он повернулся на бок и оперся на предплечье, – ну иди сюда, раз хочешь, – он чуть побил ладонью по кровати, накрыв это место заведомо простыней.

Кот постоял немного смотря на него, а когда он бил рукой по кровати – то кот смотрел на руку и медленно пошел на удары. Кот был красивого дымчатого цвета. Вальяжной походной он подошел к кровати, несколько секунд постоял и посмотрел, а затем прыгнул на место, которое указывал ему сын хозяев.

– Привет, ушастый, – начал рукой ласкать он кота, а тот тянулся, мурлыкал и подставлялся под ласки. Он от наслаждения закрыл свои серо-зеленые глаза и просто получал

удовольствие, – кто бы меня вот так бы почесал. А? Не знаешь?

Но кот был в другом измерении в этот момент, поэтому даже если бы он и мог разговаривать с человеком на его языке он бы не смог этого сделать – слишком велико было наслаждение.

Александр стал осматривать комнату, порой бросая взгляд на кота.

«Да-а, вот моя деревня, вот мой дом. Столько лет прошло. Я же именно в этой комнате делал уроки в школе, играл в детстве. И уезжал в Ленинград я отсюда на учебу (он стал чесать коту шею и за ухом). Но пускай Москва на меня не обижается, но я никогда не люблю этот город. Не для меня он. Вот город Ленина совсем другое. А Москва...не чувствую я себя в ней так, как чувствую себя в Ленинграде. Да и свое будущее счастье я нашел именно там, а не здесь. Лиза».

– А ты все наслаждаешься? – улыбаясь тихо задал Александр вопрос коту, который уже лежал на спине и подставлял свой живот под ласки, – что, хочешь чтобы и пузо я тебе почесал? Ну давай, – он начал чесать живот питомцу, а тот стал сгибать лапы и мурлыкать, порой сворачиваясь и опять разгибаясь.

«Хорошо котам! Ни работы, ни забот. Ешь, гуляй, спи. Красота, а не жизнь! Вот бы и нам также как им. Конечно, не всем котам так везет...есть и те, которые живут совершенно в других условиях. Но родительский то! Уже под семьдесят

лет, если не больше, по человеческим, а он все хочет чесаний и наслаждается ими. И носится по хате как угорелый порой. Молодец, что еще тут можно сказать».

Александр аккуратно слез с кровати, чтобы не спугнуть кота.

– Сиди здесь, скоро вернусь, – посоветовал он и вышел по потребности.

Выйдя из туалета и помыв руки, он еще сходил на кухню, выпить воды, и только потом вернулся в комнату. Кот сидел на кровати и смотрел на вошедшего.

– Смотри, так и сидит. Послушал мой совет, – он помахал указательным пальцем на уровне груди и улыбнулся.

Он уже не стал ложиться в кровать, а решил посмотреть, какие книги остались стоять в его комнате, в большом стеллаже. В основном, всю литературу, которую он любил больше, он перевез к себе. Среди этих книг были произведения Станислава Лема, Ивана Ефремова, Айзека Азимова, Ярослава Гашека, Карела Чапека, Генриха Сенкевича, Александра Чаковского, Алеся Адамовича, Владимира Богомолова, Александра Беляева, Алексея Толстого, Виктора Гюго, Эриха Марии Ремарка, Франца Кафки, и многих других авторов. Но и дома у родителей осталось еще много различной литературы. Он стал просматривать полки, где стояли книги, на корешках которых были фамилии авторов: Маяковский, Есенин, Пушкин на верхней полке, ниже – Драйзер, Дойл, Хемингуэй, Мелвилл, а еще ниже французские авторы, такие

как Стендаль, Флобер, Рабле. И это только малая часть авторов, представленных в домашней библиотеке. Александр вытащил сразу три книги со второй полки сверху и положил их на пол, сам, опустившись, сел.

— Теодор Драйзер, — сказал он вслух, — замечательная трилогия, — он взял первую книгу из трех, — «Финансист», — отложил и взял следующую, — «Титан», — положил ее на предыдущую и взял последнюю, — и «Стоик».

«Когда-то давно я это все прочитал. Но то было еще в юности. Пора бы снова вспомнить (он взял все три книги в правую руку, а левой погладил корешки). Да и «Американскую трагедию» было бы неплохо прочитать. Все, конечно, охватить невозможно, что в литературе, что в музыке, что и в фильмах. И так большой охват. А так... конечно, очень много достойных есть вещей, которые я еще не читал, да и возможно не прочитаю никогда. Не услышу никогда многие красивые мелодии и композиции. И не посмотрю множество достойный фильмов, потому что это просто невозможно. Но (он встал с пола и стал ставить книги обратно) буду стараться охватить как можно больше и все это осмыслить. Сколько там уже? (он бросил взгляд от книг на часы). Без двадцати семь. Пора уже вставать, а то еще тащиться в Коломну сегодня. Этих партнеров, конечно... ну что поделать — работа».

Он вышел из комнаты, пошел на кухню, чтобы сделать себе кофе, а из холодильника достать ацидофилин. Этого хватало ему для завтрака.

В семь часов тридцать минут Александр вышел из парадной или, как говорили в Москве, подъезда. Уже утром, особенно на солнце, было очень тепло и день обещал быть жарким. Он подошел к своей машине темно-зеленого цвета и отрыл ее. Сев в машину, он завел ее, не закрывая двери, и вышел осмотреть ее, пока та прогревалась.

«Колеса нормально, зеркала нормально, фары работают. Ладно, можно ехать».

Он снял пиджак и положил его на заднее сиденье, где еще раньше он оставил портфель с документами, а сам вернулся за руль, вставил первую передачу и тронулся, но прежде включил поворотник, перед тем как отъехать с места.

«Нужно выехать из города, а там движуха будет уже не такой активной в сторону области».

Когда он уже выезжал из города, то поток автомобилей, едущих в город был в разы больше нежели потом автомобилей, едущих из города. На встречной стороне были пробки и заторы, в том время как Александр спокойно ехал по довольно пустому шоссе. По радио играла знакомая и любимая музыка.

«О, Машина».

В динамиках только пошли первые секунды песни, которую Александр узнал сразу – песня «Спускаясь к великой реке» группы «Машина Времени». Он стал чуть подпевать, не отвлекаясь от управления и дороги.

– Крестики, нолики, фантики Стали теперь солдатики,

Стали теперь служивые, Каждому вышел срок. С вечера спорили, ссорились, А поутру построились, А поутру прицелились, Каждый нажал курок. Спускаясь к великой реке Мы все оставляем следы на песке, И лодка скользит в темноте, А нам остаются круги на воде. Сабельки, пулечки, пушечки, Выбритые макушечки. Цепкие лапы Родины, Да письмецо семье. Холмики, крестики, нолики, Где вы теперь, соколики, Где вы теперь служивые, спите в какой земле? – на этих словах он не стал повторять припев, а задумался и уже слушал песню, которая вошла в альбом под названием «Картонные крылья любви», вышедший в тысяча девятьсот девяносто шестом году, фоном.

«Да, с солдатами так всегда. Расходный материал, да если еще в неумелых руках командования. Пускай их пушечным мясом вперед и победишь. Или нет. Тут уже как повезет. А вообще...кучка использует сотни тысяч человек преследуя свои цели, «защищая», как они говорят свои интересы. Разве справедливо? Ой, война такое дело...армия такое дело. Зачем все это? Кто это выдумал? Войны, конфликты...все же из-за денег, ну в редком случае за стремление к власти и господству. Сколько миллионеров появилось в Штатах пока шла Вторая Мировая? Десятки, сотни, если не тысячи. Да и сама Война та...черт знает что там было. Не исключая, если Гитлер сначала договорился с Рузвельтом и Черчиллем, а уже потом, когда Советский Союз дал серьезный отпор и стало ясно, что война затягивается, а Советские

люди не собираются сдаваться, эти два деятеля решили переключить свою внимание с Гитлера на Сталина и вести диалог о совместном противостоянии нацистам. Кто знает, кто знает. В любом случае факт остается фактов – граждане Советского Союза сделали все, что бы защитить свое государство, своих родных и близких, и себя. И они сделали это...и этим мы должны Гордиться. Гордиться тем, как люди пережили Блокаду Ленинграда находясь в таких ужасных условиях и все равно оставаясь людьми, делая свое дело на благо обороны города, как они боролись за свой город, когда нечего было есть, пить, а про водопровод я вообще промолчу...о быте во время Блокады хорошо показал момент Виктор Конецкий в своем произведении «Кто смотрит на облака» (он не мог вспоминать эту и другие книги о Великой Отечественной Войне без слез. Вот и сейчас несколько капель покатались по его щекам. Он стер их рукой и протер глаза, чтобы следить за дорогой). Да и «Блокадная Книга» Гранина и Адамовича, конечно,...такие произведения просто необходимо изучать, читать, знать. Гордиться оборонцами Брестской Крепости, которую держали больше(!) (он крикнул в душе) месяца, когда ее хотели взять противники за самый короткий срок. Да плюс ко всему огромные проблемы с водой...когда река осталась единственным средством откуда можно было взять воду, и ту днем обстреливали, а ночью освещали ракетами. Сколько потом было найдено на берегу реки фляг, кружек, касок, которые были прострелены...и человеческие

тела. Помнить о Смоленской битве, танковом Курском сражении, Сталинграде, обороне Москвы и контрнаступлении, не забывать о кровавых морских сражениях на севере и юге. Ни о чем нельзя забывать. И пока память об этом жива в наших головах, в наших сердцах, во всем нашем теле, пока наши бабушки и дедушки, мамы и папы рассказывают нам о тех страшных годах, о той жизни – мы должны чтить это, жить с этим, и никогда этого не забывать, а дальше передавать своим детям, показывать им фильмы, читать им книги о том ужасном периоде истории и истории нашей страны. Чтобы они знали и помнили, что ни Западная Европа победила нацизм, ни Великобритания, и не Соединенные Штаты Америки, хотя они внесли свой вклад, а победил его Советский Союз вместе с Польшей, сильнейшим Югославским сопротивлением и другими союзниками. Нужно, чтобы они знали не только «главный действующих лиц войны» таких как Сталин, Гитлер, Жуков, Гиммлера и других, но и необходимо знать о таких «людях» как например Оскар Дирлевангер, который командовал подразделением СС, состоящим из заключенных и осужденных, и который измывался над гражданскими людьми в карательных операциях, уничтожая белорусские деревни, подавляя Варшавское восстание, да с такой жестокостью, что в тюрьме, когда в сорок пятом его взяли, его забили до смерти свои же соотечественники. Необходимо знать о таких врагах. Знать о своих героях и помнить их, тех, которые защищали страну от таких вот извер-

гов и нелюдей как Карательный Батальон. Но, одновременно с этим, мы не должны опошлять память об этом, делая и говоря все так, будто там были звери и убийцы, а наши были сплошь положительные, крупномасштабными парадами и другим. Мне кажется, что в первую очередь это горе, это праздник о силе людей, которые боролись, а уж потом это радость от победы. И, если когда-нибудь в будущем, в нашей стране будут проводить военные парады с огромным размахом и не только в столице... значит мы забыли о том, что на самом деле пережили наши люди, наши предшественники, Ветераны(!) той самой войны, а главное уже будет пускать пыль в глаза и показать масштаб того, что мы можем. Вот чего я боюсь и за что переживаю. И как бы в будущем не было такого, что Парад Победы превратиться в тупое шоу, где будут собираться все эти «звезды» и шоумены, которые сейчас вылезают на телевидении, а не Ветераны, чьи места будут заняты. Ладно, посмотрим что будет дальше (чуть успокоившись после возбуждения продолжил рассуждать Александр)... с сегодняшним нашим положением в экономике нам точно не до масштабных парадов. Хотя все может быть – я уже ничему не удивлюсь. Так вот мы и живем».

Он сделал радио чуть громче, где сейчас играла известная песня группы «Агата Кристи» и вел машину дальше, но с уже совершенно другим настроением.

До пункта назначения оставалось еще несколько десятков километров, а Александр уже хотел быстрее приехать, сде-

лать все дела и уехать обратно. Хотя на обратном пути ему нужно было заехать еще и в Раменское, чтобы передать документы.

«В любом случае приеду обратно не раньше шестнадцати, думаю, хотя может быть выйдет и рань...».

– ... ! – он выкрикнул слово, которое в середине содержит ноту «ля», когда прямо перед его автомобилем, подрезав его, выехал джип, застав Александра резко оттормаживаться и сигналить, – куда ты выезжаешь то, твою мать!

Он резко ускорился, поравнялся с джипом и снова просигналил несколько раз, а затем поехал дальше.

«Как так вообще можно выехать прямо перед носом у машины!? Надо же на дорогу смотреть и видеть куда ты едешь».

Только через несколько минут он сбавил ход и до места встречи осталось уже около пятнадцати километров. Наручные часы на левой руке показывали ровно десять часов, а по радио начались новости. Последний километры пути он проехал спокойно и через четверть часа уже выходил из припаркованной машины. На улице он чуть расхотелся, потянулся, а затем взял с заднего сиденья пиджак, который сразу же надел, и портфель. Закрыв машину, Александр пошел к проходной.

– Доброе утро, – сказал он охраннику, который сидел на пункте контроля, – мне необходимо встретиться с Юрьевым Борисом Антоновичем по вопросам сотрудничества.

– Ваш паспорт, пожалуйста, – попросил сотрудник без-

эмоционально.

– Пожалуйста, – передал свой паспорт Александр.

– Борис Антонович предупреждал, что вы придете, – сказал охранник просматривая страницу, где фамилия, имя, отчество, дата рождения и другие данные. Затем он переписал фамилию и инициалы, серию и номер паспорта в журнал, – распишитесь вот здесь, – он указал место пальцем, повернув журнал к Александру.

После того, как расписался и положил ручку на сгибе страниц, он услышал: «Проходите. Пройдете прямо и на втором этаже по левую руку будет его кабинет. На двери написана фамилия и инициалы», ответил: «Спасибо» и зашел на территорию предприятия.

Он пошел по асфальтированной дороге к двухэтажному небольшому, по сравнению с другими постройками рядом, зданию. Навстречу попадались сотрудники предприятия. Зайдя внутрь, он поднялся по лестнице и, как ему и посоветовали, искал кабинет по левую руку. На третьей двери от лестницы он увидел табличку с надписью:

«Юрьев Б.А.»

Он постучал в дверь и приоткрыл ее.

– Разрешите? – поинтересовался Александр, когда увидел в кресле мужчину, лет шестидесяти, в очках. Над верхней губой были густые усы, а волос на голове практически уже не было. На нем был темно—коричневый костюм и рубашка кремового цвета. По нему было видно, что сидячая работа

занимает большую часть его времени. В момент когда Александр открыл дверь в кабинет, его хозяин разговаривал по телефону, поэтому только махнул рукой гостю, мол: «Входи». А когда Александр зашел и закрыл за собой дверь, то указал свободной рукой на стул перед столом. Александр сел и стал доставать из портфеля различные бумаги. В этот момент Юрьев закрыл рукой трубку и сказал тихо:

– Еще буквально две -три минуты. Извините.

– Ничего, все понимаю, – также шепотом ответил Александр и поставил портфель на противоположный стул.

Он не стал слушать то, о чем по телефону разговаривает Юрьев, а принялся рассматривать, ненавязчиво, обустройство кабинета. На стене весели грамоты, аттестаты и прочие награды и знаки отличия, на столе множество бумаг, а книжный стеллаж был заполнен многотомными изданиями книг. Сам кабинет был выдержан в темных тонах и не создавал общения «тяжести», наоборот, казалось, что сюда бы не мешала еще добавить немного мебели или чего-то в этом роде.

«Меня всегда удивляло, как в профессиональных кабинетах всегда стоят книги, выдержанные в едином стиле. И всегда издания имеют множество томов, которые могу заниматься ни одну и ни две полки».

После осмотра кабинета он отпустил глаза к документам и решил еще раз их просмотреть. Сквозь шелест бумаг он услышал фразу хозяина кабинета:

– Ну все, Игорь Михайлович, договорились. Тогда через

два дня созвонимся. Всего вам доброго.

Он еще несколько секунд подержал трубку у уха, а после положил.

– Здравствуйте, Александр Николаевич, – Юрьев встал и протянул гостю руку.

– Добрый день, Борис Антонович, – Александр пожал протянутую ему руку.

Они оба сели обратно на свои места.

– Что вы с собой привезли? – спросил Юрьев, указывая на портфель и лежащие на коленях Александра бумаги.

– Здесь вся документация по вопросу, который мы с вами решали по телефону, – он передал кипу документов через стол, – объемы, характеристики, количество и прочее. Последние два листка это договор о поставках. Там написаны сроки, в которые можно наладить поставку, и цена за желаемый вами объем.

Юрьев «пробежал» глазами листы и остановился на последних, читая их подробно и внимательно.

– Дороговато, конечно, выходит, – сказал он сквозь зубы.

– Ну вы же понимаете, что это от нас не зависит. Для них Россия – это новый рынок. И пока еще все налаживается и проводятся, так сказать, эксперименты. Возможно, в будущем и откроют завод у нас, если посчитают это целесообразным. А пока поставки с их заводов, поэтому и цены больше.

– И когда они смогут открыть производство у нас? И где это возможно? – с живостью спросил хозяин кабинета.

– Я же вам говорю, – Александр сел прямо и запахнул пиджак, скрестив руки на груди, – пока то неизвестно и будет ли это вообще. Они могут открыть его через три года, а могут и через десять, а могут вообще не отрывать. Вы же не хуже меня это понимаете. А уж где, – он даже задумался, – скорее всего где—нибудь ближе к Европе, не исключая, что могут даже и здесь, в Московской области, где-нибудь в Орехово-Зуево. Ну это я как пример говорю. Кто знает, что там в головах и планах французских коллег.

Юрьев не отвечал, продолжая рассматривать бумаги. Александр тоже предпочел пока немного помолчать.

– Хорошо, – сказал Юрьев, подняв глаза от бумаг на Александра, – мы согласны на такие условия поставок, – он взял ручку, расписался в двух местах и поставил штампы.

– Договорились, – сказал Александр, забирая экземпляр себе, – могу от вас позвонить руководству? – спросил он, указав рукой на телефон.

– Конечно, пожалуйста.

Александр встал, поднял трубку и набрал нужные цифры на диске. Еще не успел закончиться один гудок, трубку на другом конце сняли.

– Да, – услышал Александр знакомый голос.

– Евгений Михайлович, – он мог не представляться, потому что его голос сразу узнали, – я звоню из Коломны. Все в порядке, мы обо всем договорились и всё подписали.

– Отлично! – не скрывая радости, ответил Евгений Ми-

хайлович, – молодец. Куда теперь?

– В Раменское. Там небольшие поставки, особенно по сравнению с Коломной.

– Хорошо. Давай. Потом сообщи мне о результатах.

– Хорошо. Тогда, всего доброго.

– Всего доброго, – и на другом конце повесил трубку.

Александр тоже положил трубку.

– Спасибо, – поблагодарил он Юрьева.

– Да не за что. Как вообще, часто делают заказы?

– Достаточно. Если учет и тот факт, что на российском рынке наши партнеры совсем не долго. В одной Московской области несколько желающих.

– И вы по всем мотаетесь?

– Ну а что делать, приходится. Но я только по Москве, Ленинграду и близлежащим городам. А дальше мы уже смотрим. Где-то можем все решить на расстоянии, а по крупным заказам, как ваш например, конечно, отправляем человека, чтобы не было никаких проблем.

– Понятно, понятно, – Юрьев посмотрел на наручные часы, – могу предложить вам пообедать у нас, если желаете, конечно еще рановато возможно, ну или просто кофе с чем-нибудь. Бесплатно.

Александр чуть подумал, прикинул что нормально поесть он сможет только дома и решил принять предложение Юрьева.

– Да, пообедать было бы неплохо.

– Пойдемте, я вам все покажу, ну а дальше сами.

Они вышли из кабинета, спустились на улицу и пошли в соседнее здание, на котором крупными буквами было написано —СТОЛОВАЯ. На раздаче Юрьев объяснил, что это за гость и что он будет обедать бесплатно. Александру от такого стало даже неудобно, но женщины, работающие там, видно привыкли к такого рода гостям, потому что на их лицах не было выражения возмущение, неожиданности или чего-то в этом роде.

– Ну, всего доброго вам. У меня еще много работы, – сказал Юрьев и протянул Александру свою руку, когда они, решив вопросы с обедом, стояли чуть в стороне.

– Всего вам доброго. Надеюсь, что все сложится нормально в нашем сотрудничестве, – говорил Александр, пожимая руку.

– И я надеюсь, – они разжали руки и Юрьев пошел на выход, а Александр, взяв поднос и приборы, к раздаче.

Он выбрал все, что хотел на первое и второе, плюс взял еще кофе с пирожком и бутылку Крюшона в дорогу.

– Сколько с меня за кофе и лимонад? – обратился он к женщине, примерно его ровеснице, как ему показалось.

– Нисколько, – с улыбкой ответила она, – мы же с Борисом Антоновичем обо всем договорились.

– Ну это же договоренность на обед. А кофе и лимонад это сверх, – также с улыбкой ответил Александр.

– Да ничего страшного. Все учтено.

– Точно? Просто неудобно как-то, – чуть застенчиво сказал он.

– Бросьте. Ерунда, – махнула рукой и посмеялась женщина, – некоторые здесь гору набирают на обед, по несколько бутылок и просто проходят мимо, даже не сказав «спасибо». Поэтому не переживайте.

– Ну я не такой как те, о ком вы рассказали, – с чуть видной улыбкой ответил Александр.

– Я вижу. Поэтому желаю вам принятого аппетита!

– Спасибо вам! – он отошел от стойки, – точно ничего не должен? – спросил он, повернув голову, через плечо.

– Точно! – и женщина снова стала смеяться, а до этого подмигнула Александру.

Он сел за стол, в столовой было пусто и принялся обедать, но чувство какого-то обмана осталось в нем. Не любил он что-то делать за чужой счет, лучше бы он за свои деньги пообедал здесь.

Принимал пищу он примерно двадцать минут, потом, закончив пирожком с капустой и выпив кофе, он отнес поднос с грязной посудой, стеклянную бутылку с Крюшоном взял с собой.

– Спасибо, – сказал он женщине, которая уже сидела рядом с кассовым аппаратом и читала какой-то женский роман.

– На здоровье. До свидания.

– До свидания, – ответил он и пошел к выходу.

На улице стало еще жарче, хоть на небе и появлялось все

больше облаков, которые предвещали возможный дождь.

– Всего доброго, – сказал он на выходе с территории охраннику, который курил на улице.

– До свидания, – сказал он, вынув сигарету из рта.

Александр сел в машину, положив на боковое сиденье портфель и бутылку, снял пиджак и повесил на переднее пассажирское кресло, завел мотор и достал из бардачка карту, чтобы свериться с маршрутом. Убедившись, что он правильно все помнить, на всякий случай положил карту рядом на сиденье, вставил первую передачу и отъехал со своего парковочного места.

Восьмидесятикилометровый путь от Коломны до Раменского для Александра и его автомобиля прошел без эксцессов и проблем. Поэтому примерно через час его «Opel» подъехал к следующему пункту назначения и припарковался. Он вытащил ключи из зажигания, а затем положил их во внутренний карман пиджака. Сделав несколько глотков Крюшона, бутылку которого он открыл открывашкой, взяв ее из бардачка, он прикрыл его пробкой и положил бутылку в задний карман за сиденьем, чтобы она лежала ровно и не упала. После этого он вышел из машины, через дверь с пассажирской стороны достал пиджак, надел его, а после достал портфель, закрыл машину и направился в сторону входа. По сравнению с предыдущим местом здесь было скромно, одно здание, которое находится в техническом районе для обслуживания автомобилей.

«Кроме «Сатурна» больше не знаю ничего об этом городе».

Он зашел внутрь, прошел ту же процедуру контроля, что и в Коломне. А вот переговоры в этот раз проходили дольше. Но в итоге все сложилось положительно для Александра и договор о поставках и сотрудничестве был подписан. Он сообщил об этом Евгению Михайловичу, только уже с телефон-автомата, когда вышел на улицу. А после звонка пошел не торопясь обратно к машине. Когда он вернулся к автомобилю, то его часы показывали 14.46. Он открыл машину и сразу достал бутылку лимонада и опустошил ее. Дошел до мусорки, которая была в десяти метрах, выбросил пустую бутылку и вернулся к машине. Сложив все вещи на заднее сиденье, он завел мотор и через полминуты тронулся.

– Надо на заправку заехать по пути, – сказал он вслух сам себе, посмотрев на приборную панель и увидев низкий уровень топлива.

Заправившись на выезде из города, Александр поехал по шоссе в сторону Москвы, в сторону дома.

Дома он оказался только около половины пятого вечера. Родители оба были дома и встретили его у двери в квартиру, увидев из окна как он подъехал.

– Привет, – сказал он, закрывая за собой дверь в квартиру.

– Привет, сынок, – мама подошла к нему, обняла и поцеловала в щеку.

– Привет, – сказал отец и они с сыном пожали друг другу

руки.

– Здорова, – ответил ему с улыбкой Александр.

– Сейчас, я ужин приготовлю и будем есть, – сказала мама и пошла обратно на кухню.

– Да не торопись ты, мам, – сказал он, устало улыбаясь.

Отец пошел обратно в комнату, а Александр, сняв ботинки, стал раздеваться в своей комнате. Брюки он повесил на одну вешалку, пиджак на другую, а рубашку бросил к грязному белью. Помыв руки, он сходил на кухню, выпить воды, обменялся несколькими словами с матерью и вернулся к себе в комнату. Достав из портфеля документы он стал все разбирать, перебирать, а со стола взял другие, которые понадобятся ему завтра.

«Почти как в школу и в институт. Вечером собираешься, чтобы не тратить время утром».

Александр иронично улыбнулся.

Собрав и подготовив все на завтра, он решил перечитать бумаги для завтрашних сделок. Этим он занимался до того момента, пока мама не сказала из кухни:

– Всё готова. Так что закругляйтесь.

– Хорошо, мам, – он положил все в портфель, закрыл его и поставил на пол, где всегда оставлял портфель в школе и институте.

«Вот теперь и рабочий стоит на том же месте».

Он вымыл руки в ванной и пошел на кухню ужинать.

Ужин прошел в привычной семейной обстановке – в об-

щении, обсуждении, и отдыхе после трудового дня. Александр заел обильный ужин яблоком и пошел в свою комнату.

«Кинцо что-ли посмотреть вечером?».

– Отец! – крикнул он из комнаты.

– Да!? – послышался ответ.

– Может посмотрим что-нибудь на вэхаэске?

– Ну можно. А что?

Александр встал с кровати и пошел в общую комнату, где отец доедал яблоко. Мама же лежала в спальне и читала книгу.

«О, Ремарка мама читает, «Жить взаймы», кажется». Отметим он, проходя мимо спальни.

– Ну давай выбирать, – сказал он как бы серьезно, но оба понимали, что никакой серьезности нет.

Александр сел на корточки рядом с полкой, где стояли видеокассеты и стал смотреть по корешкам что бы предложить отцу для просмотра. Какие-то кассеты он сам привозил родителям, какие-то они покупали вместе, а что-то докупал и сам отец.

– Может, «Чужой»? – спросил он, доставая кассету и, не оборачиваясь, подняв ее обложкой к отцу, чтобы тот посмотрел. Хоть оба знали о каком фильме идет речь, но когда Александр выбирал что посмотреть, он всегда так делал.

– Давай, почему бы и не посмотреть классику.

Александр включил аппаратуру, достал кассету.

– А чего ты ее не перемотал то, когда в последний раз

смотрел? – спросил он, когда увидел, что практически вся пленка видеокассеты справа стороны.

– А может это еще ты не перемотал, – сказал отец с улыбкой.

– Да я здесь...

– Давай мотай, – прервал его отец, – не бухти, – и посмеялся.

Александр, который привык, что с отцом они говорили чуть ли не по-дружески и такие выпады, серьезно-юморные, были для них обыденны, вставил кассету и поставил ее на быструю перемотку.

– Отец, отец, – сказал он, улыбаясь и садясь рядом с отцом.

– Чего? – посмотрел тот на него.

– Ничего, – он приобнял отца за плечо.

– Давно мы уже кино вместе не смотрели.

– Да, – он сказал это «да», очень растягивая, – в кино вместе ходили раньше. Было время.

– Да. И с Каткой тоже. Так возьмем, соберемся все вчетвером и пойдем. Главное было попасть. Слушай, вот такое ощущение что это было недавно, а столько уже прошло времени. И ты уже с Лизой давно. И у Кати своя жизнь.

– Да. Время летит, – он прижал плечо отца к своему, – но главное, что это осталось у нас в голове и мы можем это вспоминать, говорить об этом. Да, былого не вернуть нам. Но надо ли это? Все самое приятное, запоминающееся осталось

в памяти. Да, пап?

– Конечно. Вы с Катькой самое дорогое, что есть в нашей с мамой жизни.

В этот момент перемотка закончилась. Александр встал, запустил кассету и вернулся обратно.

– Хороший фильм, что сказать, – произнес Александр, когда пошли финальные титры.

– Да. Скотт снял отличное кино, – продолжил отец.

– Вот хорошо так. Вечером, после рабочего дня, сесть посмотреть отличное кино, будь-то наше или западное. Конечно, такие фильм как раз чтобы отдохнуть, «очистить» голову. Все же кино – великая вещь. Как и музыка. Хотя футбол или хоккей тоже неплохо посмотреть вечером, тоже отдых, плюс боление за любимую команду.

– Согласен, Саша. Ой, ладно, – сказал он, вставая, когда титры закончились, – пойду ложиться, если мама будет не против принять меня к себе, – он улыбнулся. Улыбнулся и его сын.

– Давайте, – отец вышел из комнаты и уже начал диалог с мамой, а Александр стал поставил кассету на перемотку и сам пошел пока чистить зубы.

После практически трехчасового просмотра фильма, с паузой на то, чтобы сделать чай, время было уже – двадцать два часа. Отец и мать Александра постепенно собирались спать и вслед за ним, когда он уже вернулся в комнату чтобы вынуть видеокассету и поставить ее на место, пошли чистить зубы.

Все выключив, проверив и приготовив свое спальное место, Александр зашел в спальню родителей, поцеловал маму, пару раз легонько постучал по ногам отца, которые уже были под одеялом и пожелал спокойной ночи. После, зашел на кухню, выпил стакан воды, сходил в туалет и лег в свою кровать. Чуть полежав, он сам не заметил как уснул, хоть и одна рука была у него за головой.

Довольно скоро он проснулся, не чувствуя левую руку, которая и лежала за головой. Он не мог ее поднять, так сильно она затекла. Правой рукой он переложил затекшую руку на кровать. Она казалась ему невероятно тяжелой. Когда рука лежала уже прямо, он почувствовал что сила в нее возвращается и уже через некоторое время он мог чуть шевелить пальцами, а потом уже и всей рукой. Когда окончательно рука отошла, он повернулся на бок и мгновенно заснул.

В эту ночь ему снова приснился не очень приятный сон.

В нем он был еще юношей. Они, почему-то, только с мамой были в доме отдыха на озере, где они действительно отдыхали несколько раз раньше. Они с мамой пришли на завтрак, а им говорят, что необходимо взять талоны для этого. Мама отправляет Сашу к администратору, а там ему говорят, что завтракать они могут так, а вот когда пойдут на обед, необходимо их взять. Он просит дать ему их сейчас. Женщина за стойкой отдает ему два талона на обед и Саша бежит обратно (завтрак почему-то проходил не в столовой, как обычно, а на берегу озера). Чтобы вернуться на место завтра-

ка необходимо обогнуть по берегу часть озера. Саша решает плыть, чтобы долго не обходить, а напрямик. И тут он прыгает в воду рыбкой, заныривает и чуть проплыв под водой чувствует, что запас воздуха у него заканчивается. Он поднимается наверх, руки уже над водой, но голова по прежнему остается под водой. Даже затылок уже из воды поднялся на поверхность, но вся лицевая часть остается под водой и он не может вдохнуть воздуха. Саша чувствует что задыхается и в этот момент проснулся. Он действительно не мог вздохнуть в жизни. Как проснулся, первое что он сделал – отдышался. Правая ноздря оказалась заложенной, а левой он так лег на подушку, что не мог ей дышать.

Он лег на спину, посмотрел на часы. Было шесть тридцать утра.

«Все же защитная функция организма – это великая вещь. Но под действием алкоголя идет ее торможение и может не сработать. Что и случилось с ударником Зеппелин Бонэмом. Фу... но вот в такие ситуации действительно страшно».

Он еще полежал несколько минут, а потом встал с кровати, посидел на ней минуточку-две и пошел завтракать и собираться на новые встречи.

В этот день он также как и вчера ездил на своем Opel Kadett по городам Московской области, обсуждая контракты и договариваясь о поставках товара. Домой он вернулся только к двадцати часам, поужинав (пообедать, как вчера, ему не удалось в этот раз), он лег на кровать и незаметно для

себя уснул. Когда он проснулся, в комнате уже было темно, а часы на его руке показывали половину первого.

«О, черт. Отрубился. Зараза! (он легко ударил по кровати, тихо, чтобы никто не слышал) ».

Александр встал, снял с себя халат, часы, расстелил кровать и, так не почистив зубы, лег на кровать, укрылся и продолжил спать. Заснул он очень быстро.

Утром он проснулся позже обычного. Сегодняшний день был у него свободен и ему было необходимо встретить сестру на вокзале.

«Поезд прибывает в двенадцать часов тридцать шесть минут. А сейчас (он посмотрел на часы) семь тридцать утра. И у отца выходной. Все дома сегодня».

Шагов, листания страниц книги тоже не было.

«Еще спят родители».

Он лежал и думал о том как будет встречать сестру и Антуана с поезда.

«Приехала бы она лучше одна. Нет, конечно, хорошо, что она нашла свое, возможное, счастье. Но сейчас пытаться знакомиться, завязывать разговор. Новый, неизвестный мне человек. Как я это все не люблю (он зевнул и потянулся). Ладно, раз я дома с родителями, пойду омлет на всех сделаю».

Он вылез из кровати, сходил в туалет, помыл руки и умылся сам, а потом пошел на кухню готовить завтрак.

Услышав возню на кухне, мама Александра пришла туда.

– О, привет мама, – сказал он, обернувшись после того

как слышал приближающиеся шаги. Он подошел к маме и поцеловал ее в щеку.

– Доброе утро, сынок. Что делаешь?

– Омлет вам с отцом готовлю, – он вернулся к «рабочему месту, собираясь уже переливать массу из миски в противень.

– С чего это ты? – мама стояла, смотрела на сына и улыбалась.

– А почему я не могу приготовить родителям завтрак? – он поставил противень в духовку и включил ее, а сам положил всю грязную посуду в раковину и стал мыть ее.

– Давай я помою, – мама буквально бросилась к Александру.

– Не нужно. Я сам.

– Давай, – она не отставала от него.

– Мама, – он улыбнулся, – отвали, – он сказал по доброму, – я сам, мне уже не десять лет давно.

– Сколько бы лет тебе не было, ты всегда остаешься моим сыном, как Катюша остается моей дочерью. И я вас обоих люблю больше всех.

– Да понимаю я. Но иди отдыхай, я все сделаю. Вот, к папе иди, – он усмехнулся.

Мама одарила его суровым взглядом, который тут же сменился на добрый.

– Иди ты, – сказала она смеясь и ушла с кухни.

– Ой, родители, родители, – Александр продолжал мыть

посуду и улыбаться искренне и любя, думая о родителях.

– Давайте уже вставайте, – сказал Александр, проходя мимо спальни родителей, неся две кружки кофе в общую комнату.

– Давайте, давайте, – сказал он, уже совращаясь на кухню из комнаты и показывая рукой, мол «поднимайтесь», – все готово уже.

– Не дает спать родителям, – сказал отец поднимаясь и заправляя кровать.

– И хватит гундеть, – Александр шел, держа в руках третью кружку, и смеялся.

– Ага, конечно. Буду гундеть! – сказал он это серьезно и даже с обидой, но оба, отец и сын, знали, что все шутя.

– Мы же обычно на кухне кушаем, – сказала мама, выходя из комнаты, когда сын возвращался на кухню.

– Давайте в комнате, там просторнее, телек можем посмотреть. Если вы не против, конечно.

– Да нам то без разницы, – она поцеловала сына.

На кухне он всем разложил завтрак, взял все три тарелки (две поставил на одну руку, а третью и приборы взял в другую) и пошел в комнату, родители уже были там.

– И долго вас ждать? – с издевкой спросил отец.

– А ты сам приготовь, – ответил Александр, ставя перед каждым тарелки и раскладывая приборы.

– Спасибо, сынок, – сказала мама

– Да не за что, – ответил сын и сел на стул, – приятного

аппетита.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.